Империя. На последнем краю

Автор:
Владимир Марков-Бабкин

Империя. На последнем краю

Владимир Марков-Бабкин

Империя единства #2Попаданец (АСТ)

Осень 1918 года. Войны в Европе. В мире бушует пандемия «испанки», обильно собирая свою страшную жатву. Десятки миллионов погибших и умерших. Впереди страшный голод. В стране всё зависло в шатком равновесии. Но тут Михаил Второй заражается «испанским гриппом» и сходит со сцены, находясь при смерти в Кремле. Формально вся полнота власти находится теперь в руках семнадцатилетней императрицы Марии, но она изолирована на далеком острове в Мраморном море, и никто из заинтересованных лиц отдавать бывшей итальянской принцессе реальную власть не собирается. Империя накануне катастрофы и Гражданской войны. Удастся ли переломить ситуацию? Ведь события развиваются слишком стремительно…

Владимир Марков-Бабкин

Империя. На последнем краю

Посвящается моей семье.

Спасибо всем коллегам и читателям.

Отдельная благодарность Виталию Сергееву.

Часть первая. Скучно быть Богом

Глава I. Выстрел крейсера «Аврора»

«…Миша, любимый мой, как мне не хватает тебя. Как жаль, что все то, что описывают наши писатели-фантасты, все, что было в твоем [изъято при рассекречивании], все эти необыкновенные средства связи, электронно-вычислительные машины, роботы, космонавты и [изъято при рассекречивании], а также все прочие чудеса, существуют пока лишь [изъято при рассекречивании], и мы не можем сейчас говорить между собой и видеть друг друга, как в твоем [изъято при рассекречивании].

Знай, что я и наши дети очень любим тебя. Саша и Вика целуют тебя в носик и машут тебе ручками.

Целую и я.

Твоя Маша.

Остров Христа, Мраморное море, 4 октября 1918 года»[1 - Личная переписка ЕИВиВ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и ЕИВ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВИКТОРОВНЫ. Публикуется с Высочайшего дозволения ЕИВиВ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ на основании «Закона об истечении срока давности для секретных документов, охраняемых грифом «Государственная тайна особой важности». Императорская Московская библиотека МИХАИЛА ВЕЛИКОГО, 4 октября 1993 года*.* Примечание. Решением ИМПЕРАТОРСКОЙ Канцелярии срок рассекречивания изъятий продлен на 75 лет до 4 октября 2068 г.].

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 4 октября 1918 года

Мы шли по лезвию бритвы. Да так, что любой ветер со стороны мог низвергнуть нас в пропасть. Мы играли в отчаянную игру, в которой ставки были столь велики, что даже и не представить.

Игра эта готовилась где-то полгода. Где-то год. Где-то полтора. А где-то и всю мою жизнь. Хотя, впрочем, тогда, в будущем, я не мог еще знать об этом.

Но сейчас мы все рассчитали.

Вроде.

Точно так, вероятно, были уверены в успехе и многочисленные заговорщики в конце 1916-го и в начале 1917 годов, плетя свои интриги по свержению императора Николая Второго, заручаясь поддержкой разных групп влияния, военных, союзников по Антанте, и двигая фигуры на шахматной доске истории на основании своих «окончательных» планов. Но что-то пошло не так, и многие из них были мной в итоге повешены на Болотной площади в Москве.

Рядком.

Без почестей.

Мне тогда удалось не допустить революции. Но смог ли я ее предотвратить? Нет.

Не бывает чудес.

Да, я многое сделал для того, чтобы перегретый котел общественных противоречий не рванул еще тогда – в феврале, марте, апреле и мае 1917 года. Где-то что-то форсировал, где-то спустил на тормозах. «Сто дней для мира», обещанные земельный передел, права рабочих, особые права для фронтовиков, Конституция, равные права и равные возможности. Закон один для всех. Служение и Освобождение. Десятки, сотни и тысячи обещаний.

Я давал обещания, я генерировал идеи и креатив, я собрал команду толковых единомышленников. Вместе мы остановили смуту, победили в войне, завоевали Проливы и всю Ромею, присоединили к России Галицию и Западную Армению, а один из моих дворцов находится сейчас в Иерусалиме.

Но пришла пора выполнять обещанное. Пришла пора платить по счетам.

Сполна.

Но нет, господа-товарищи, меня в дом купца Ипатьева вы точно не загоните ни при каких обстоятельствах, а Машу с детьми достать вам не удастся! Эвакуация подготовлена и на этот случай, а Рим не бросит свою любимую принцессу. Я позаботился и об этом.

Но это самый крайний, теоретический случай.

Ибо буду я драться до конца.

* * *

Империя Единства. Ромея. Где-то севернее Нового Илиона. 4 октября 1918 года

– Дамы и господа, граждане и товарищи! Поезд дальше не идет!

Прозвучало на русском и греческом. Причем понятно было, что по-гречески этот офицер говорит пока плохо. Однако смысл сказанного был ясен всем присутствующим, вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания оных. Пассажиры тут же обеспокоенно-возмущенно зашумели, обмениваясь репликами на разных языках Земли Обетованной. Тем временем бравый поручик в форменной офицерской маске «от Натали» поднял руку, призывая к тишине.

Дождавшись, когда нервная тишина все же была установлена, офицер козырнул и громко сообщил по-русски, не размениваясь на другие языки:

– Офицер Империи Единства поручик Иванов, честь имею! По приказу Ее Императорского Высочества Местоблюстительницы Императорского Престола Ромеи великой княгини Ольги Александровны, в провинции Троада введено особое эпидемиологическое положение. В Новом Илионе и ряде мест округи отмечены многочисленные очаги заражения «американкой». Въезд и выезд из провинции Троада закрыт. Введен всеобщий карантин. Согласно статье 15-й Правил о местностях, объявленных на особом эпидемиологическом положении, а также на основании статьи 21-й Положения об управлении войсками в условиях особого эпидемиологического периода, на дорогах Троады установлены блокпосты, вокруг очагов заражения выставлено оцепление. Любые попытки покинуть район карантина будут решительно пресекаться, вплоть до применения оружия. Пассажиры, имеющие постоянную регистрацию на территории провинции Троада, после прохождения установленного законом карантина, смогут проследовать к месту своего проживания, остальные пассажиры сейчас будут возвращены этим же поездом обратно к пункту отправления или на любую другую предыдущую станцию по пути следования состава.

Иван Никитин даже присвистнул. Да уж, не было печали! Похоже, накрылась его командировка медным тазом, и в Новый Илион ему не попасть! Неужели ситуация настолько ухудшилась за столь короткое время?

Впрочем, все это сейчас не имеет никакого значения. А значение имеет только тот факт, что он застрял в этом вагоне прямо на границе между Вифинией и Троадой.

Поручик меж тем продолжал:

– Еще раз напоминаю, что если кто-то чувствует в себе симптомы болезни, тому необходимо вызвать к себе доктора или фельдшера из бригады скорой помощи Императорской Службы Спасения. Вся необходимая и возможная помощь будет вам оказана по вашему месту жительства или пребывания. Помните о том, что скученность и толпы, в том числе и в приемных отделениях больниц, являются одними из основных мест заражения. Избегайте любых толп, а тем более базаров, вокзалов и прочих мест, где можно легко поймать заразу.

Офицер обвел притихший вагон своим отеческим взором и весело подвел итог своей проникновенной речи:

– И, вообще, сидите дома, господа!

* * *

Империя Единства. Россия. Московская Губерния. Императорская резиденция «Марфино». Кабинет его величества. 4 октября 1918 года

– Да!!!

Появился мой начальник Канцелярии генерал барон Николай Врангель.

– Ваше императорское величество! Прибыл председатель правительства Российской империи генерал от артиллерии граф Маниковский. Вот подготовленные бумаги. Еще доставили заказанную вами книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». И в приемной его светлость светлейший князь Илионский.

Принимаю книгу, папку с документами и киваю.

– Что ж, запускайте по старшинству.

Барон склоняет голову и покидает мой кабинет. Его тут же сменяет светлейший князь.

– Привет, пап!

Целую мальчика в лоб.

– Привет, сын. Как дела?

– Нормально. Флигель просто отличный, моя банда в полном восторге!

Усмехаюсь.

– Наслышан о том, как вы там куролесили до полуночи.

Сын небрежно отмахивается.

– Но было же здорово! И мы, кстати, не так уж и шалили. Вели себя достаточно скромно и тихо.

Киваю, улыбаясь.

– Да-да, я же говорю – весьма наслышан. Весьма! Ладно, по крайней мере, флигель не сожгли и на том спасибо. Какие планы на день?

– Конный выезд. Я забежал поздороваться. Лошадей нам уже седлают.

– Лошади – дело хорошее. Только после выезда стекло вставьте.

Георгий изображает непонимание.

– Какое стекло?!

– То самое. А если сожжете флигель, то будете помогать строить заново. За удовольствия надо платить.

Мальчик шмыгает носом и кивает.

– Хорошо, пап.

Хлопаю его по плечу и усмехаюсь:

– Ладно, гуляйте. Каникулы есть каникулы. Надо же вам что-то будет рассказывать в своем Звездном лицее.

– Пока, пап!

– Про стекло…

– Я помню, пап!

Георгий чмокнул меня в щеку и скрылся за дверью.

М-да. Никакого тебе пиетета перед священной особой. И смех, и грех!

Что с того, что он, рожденный от неравнородного брака, не может наследовать престол? Разве это отменяет тот факт, что он – официальный сын всемилостивейшего государя императора? Пусть корона Георгию не грозит, но ее сияние озаряет и его. Кровь монарха священна.

Кровь монарха…

Милость небес и проклятие, которое будет преследовать его всю жизнь. Как в тот день, когда обезумевшие от наркоты революционеры-дезертиры убили на глазах мальчика его мать. Убили только за то, что она была женой нового императора.

Забудет ли это Георгий? Очень я в этом сомневаюсь. Но надо как-то дальше жить.

И нести свой крест.

Эх, многодетный я папаша. Двое собственных детей, плюс еще два сына моего прадеда, которых он заделал еще до моего появления в его теле. Причем один сын, который граф Брасов, а ныне светлейший князь Илионский, – сын официальный, а вот второй, который маркиз Михаил Васильевич Ле-Блосьер, барон Мостовский, – сын тайный. И при этом – друг моего сына Георгия. К тому же он еще и мой дед. В общем, как-то сложно все. Так все переплетено, что…

…Как там баронесса Мостовская поживает? Надо будет уточнить.

– Ваше Императорское Всесвятейшество и Величие! По вашему повелению, Высочайшая аудиенция милостиво дарована председателю Совета Министров Российской империи генералу от артиллерии его сиятельству графу Алексею Алексеевичу Маниковскому!

* * *

Статья профессора К. Э. Циолковского, профессора Императорского Константинопольского университета, в журнале «Освобождение – молодежи». 4 октября 1918 года

Коллеги!

Так обращаюсь я к нынешней молодежи, поскольку уверен я в том, что мы с вами единомышленники и одинаково не представляем себе возврат в прошлое нашего Отечества.

Ко мне часто подходят после моих лекций, задают различные вопросы. И одними из самых часто задаваемых являются вопросы: «Когда человечество сможет полететь в космос, когда мы будем на Луне, и главный, – как стать космонавтом, и как нужно к этому готовиться?»

Посему со страниц столь уважаемого издания я постараюсь дать несколько ответов на эти и другие вопросы. Начнем с основного.

Уровень технического развития пока не позволяет человеку полететь в космическое пространство. Однако прогресс научной и технической мысли неостановим! Буквально на памяти одного поколения человек сумел покорить воздух, и я не вижу причин для того, чтобы на памяти следующего поколения человечество не смогло покорить космос.

Разумеется, нам нужны ученые и техники, много-много светлых голов, ярких личностей и энтузиастов нашего великого дела, и я призываю всех, у кого в сердце пылает огонь грядущего, поступать в учебные заведения, записываться в секции и кружки, повышать свой уровень знаний и внести в итоге свою лепту в наше великое движение в космические дали!

Еще нередко я слышу сожаления о том, что, мол, рано мы родились, вот бы родиться в век космических полетов! Отвечу я и на это. Мы живем в прекрасное и удивительное время. Время, которое еще два года назад я бы сам назвал невозможной фантастикой. Но эта эпоха наступила. Эпоха Героев и Эпоха Подвигов! И место приложения сил сейчас имеется значительно ближе, чем космические дали. У нас есть прекрасная возможность провести испытания всего, что нам понадобится в космосе, на Луне и на Марсе. Обширные

неисследованные области Сибири и Крайнего Севера бросают вызов всем героям нашего времени. Миллионы квадратных километров дикой тайги и бескрайних ледяных полей Арктики – вот место, где мы можем испытать нашу космическую технику и наш космический дух! Миллионы квадратных километров территории, где есть все – золото, серебро, алмазы, нефть, газ, железо и все остальные элементы, которые так остро необходимы нашему Отечеству для развития, для приближения Освобождения и приближения того дня, когда наш космический корабль первым в мире выведет человека в космос!

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 4 октября 1918 года

– Дамы и господа! Его Императорское Всесвятейшество и Величие государь император Михаил Александрович!

Звук отодвигаемых тяжелых стульев. С двух сторон массивного стола, склонив головы, стоят в два ряда министры, генералы и сановники.

– Приветствую вас, дамы и господа. Прошу садиться.

Разумеется, никто из них не пошевелился, пока я не опустился не спеша на свой стул во главе стола, и лишь после этого вновь задвигались дубовые стулья с высокими спинками. Хорошие такие стулья. Величественные и красивые. Как говорится, Эмпайр-стайл. Не вдруг такой стул поднимешь и не очень-то им замахнешься.

Такие стулья, по настоянию генерала Климовича, у меня стоят в залах совещаний и в присутственных местах во всех резиденциях. Лично я считал это блажью и перестраховкой, но Климовичу я платил жалованье за обеспечение моей безопасности, и спорить с ним я не собирался. В конце концов, Климович спасал меня и Машу не один раз, и мы, слава богу, все еще живы и здоровы. Сказал шеф твоей охраны, что ежик мягкий – садись. Или меняй охрану, если не готов ей довериться. Тем более что время нынче какое непростое!

– Итак, господа, чем порадуете?

Первым поднялся глава правительства:

– Ваше императорское величество! До выборов осталось ровно десять дней, а обстановка весьма и весьма тревожная. Хочу обратить ваше внимание, государь, что ограничительные карантинные меры заметно сказались на торговле и на грузоперевозках. В городах делаются резервные запасы продовольствия на зиму, но заполняются склады зерном со значительным отставанием от утвержденного графика. В значительной степени новый урожай все еще остается в районах, где он собран. Отдельно и повторно замечу, что брожения в деревне в связи с переделом земли принимают тревожный размах. И как бы вместе с выборами 14 октября мы не получили и всплеск массовых волнений. Исходя из этого, я настоятельно прошу дозволения направить в места брожений дополнительные части Внутренней Стражи, а, возможно, и армии. Особенно будут нуждаться в усиленной охране созданные агропредприятия, которые наверняка станут целью и объектом недовольства. Боюсь, что мы накануне великих потрясений, государь.

Обращаюсь к Анцыферову:

– Николай Николаевич, какова ваша оценка ситуации в деревне?

Министр внутренних дел поднялся с места и оправил вицмундир.

– Ваше императорское величество! В деревнях центральных губерниях обстановка весьма тревожная. В Тамбовской, Воронежской, Рязанской, Владимирской, Курской, Орловской, Калужской, Смоленской, Саратовской и Самарской губерниях отмечаются стихийные сходы крестьян, на которых активно выражается недовольство итогами земельного передела. Особенно радикальными высказываниями отличаются сходы в селах и деревнях, расположенных в непосредственной близости от охраняемых законом от передела агропредприятий.

– Какого рода радикальные высказывания звучали?

Анцыферов склонил голову.

– Государь! В основном, как это и обычно бывает в таких случаях, звучали мнения, что вашему величеству неизвестно о том, что происходит, и что это чиновники и бывшие помещики на местах извратили содержание вашего Высочайшего Манифеста о земле. Кое-где даже составили петиции на Высочайшее имя и даже выбрали делегации к вашему величеству.

Угу. Ходоки и Ленин. Как иначе. Добрый царь и злые бояре, часть вторая, трагическая. Я же не могу им сказать: «Идите и делите все!» В этом и суть разницы между мной и большевиками. Они действительно могли ломать все до основания, у меня же так не получится. Я и так напринимал целую кучу революционных законов, от которых империю трясет по сей день!

– Однако, государь, все чаще начинают звучать призывы провести раздел агропредприятий своими силами, так сказать, явочным порядком. Отмечу, что в большинстве таких случаев, по крайней мере явно, не звучат призывы к выступлению против вашего величества. Наоборот, даже в таких радикальных выступлениях, в качестве обоснования нападения на бывшие помещичьи имения, заявляется обеспечение исполнения Высочайшей воли.

Задумчиво рисую чертика в блокноте. Очень опасная ситуация. Прямо скажем, нехорошая ситуация. Особенно перед выборами.

Министр продолжал:

– Звучат и более радикальные высказывания, направленные уже против Высочайшей особы.

Поднимаю голову.

– Вот как? Любопытно. Какого рода высказывания, насколько это массовое явление?

Анцыферов несколько стушевался, но продолжил:

– Пока не массовое, государь, но ситуация ухудшается. Звучат заявление, что ваше величество обещали одно, а по факту обманули крестьян. Обстановка весьма напряженная и уже отмечены первые эксцессы. Так, третьего дня в

деревне Пантелеймоновка Тверской губернии зафиксирована массовая драка, случившаяся после того, как члены местной ячейки Фронтового Братства попытались задержать одного такого выступающего за изменнические речи. За него вступились другие сельчане, и пошло-поехало. В результате трое убитых и сожжено две избы. Порядок удалось восстановить только с прибытием жандармов и взвода войск Внутренней Стражи. Выступавший против Особы Вашего Величества ударился в бега и объявлен в розыск. В деревне идут следственные действия. И это не единичный случай, государь.

Да, все начинает сыпаться прямо на глазах. А до выборов еще десять дней. И если сейчас жестко применить силу, то маятник общественного мнения в деревне качнется в сторону более левых и радикальных партий, а у нас и так состав Думы может вырисоваться такой, что просто не дай бог.

Нет, пока нельзя сказать, что положение отчаянное. Но все к тому идет.

Правильно ли я поступил? Год назад план казался если не идеальным, то вполне осуществимым. Но, как говаривал старина Мерфи: «Если четыре причины возможных неприятностей заранее устранимы, то всегда найдется пятая» и «События имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему». Так, собственно, и происходит.

– Борис Алексеевич, ваше мнение, есть у нас возможность как-то дополнительно повлиять на общественные настроения в деревне?

Министр информации граф Суворин встал.

– Ваше императорское величество! Боюсь, что за оставшиеся до выборов десять дней нам вряд ли удастся радикально повлиять на настроения в сельской местности. У нас слишком огромные расстояния, пресса в деревни доходит с существенным опозданием. Конечно, в избах-читальнях грамотные читают новости для остальных сельчан, но, как известно вашему величеству, основная масса мужиков приходит на такие лекции только за тем, чтобы получить после лекции наши газеты в качестве оберточной бумаги для самокруток. Агитаторов воспринимают настороженно, как и всякого чужака, а слова членов Фронтового Братства часто воспринимаются просто враждебно.

Да, основное гадство в том, что если в городах мы через Министерство информации графа Суворина более-менее могли влиять на общественное мнение, то вот в деревнях наши газеты практически не читали, радио и прочих телевизоров у нас не было, а возможности влиять на настроения через Фронтовое Братство у нас очень ограничены. Да, работа в этом плане проведена большая, ячейки ФБ уже есть чуть ли не в каждой деревне, благо демобилизовавшихся фронтовиков и примазавшихся к ним достаточно много по России, а свои льготы и привилегии они готовы защищать, но именно этот фактор сильно ослаблял авторитет их слов среди односельчан, поскольку всем было ясно, что «братва» отстаивает собственный шкурный интерес. Более того, такие ячейки часто вызывали зависть и злобу, как это было в моей истории со всякими активистами комбедов. Во всяком случае, согласно сводкам МВД, случаи убийств активистов ФБ при невыясненных обстоятельствах носят отнюдь не единичный характер. Нередки случаи и обратные, когда бывшие фронтовики убивали нападавших, благо я дозволил им иметь личное оружие.

Что ж, созданное гением и энергией генерала Дроздовского Фронтовое Братство было достаточно мощной силой, имеющей разветвленную сеть ячеек, сто тысяч человек активного состава и десять миллионов списочного резерва, сведенные в сто отдельных батальонов территориальной обороны. Регулярно проводились сборы, фронтовики поддерживали навыки и проходили боевое слаживание. И в случае чего я вполне рассчитывал на их веское слово в деле поддержания или даже восстановления порядка. Но в данном конкретном случае все эти ячейки, а тем более батальоны, не могли формировать общественное мнение в деревне.

А мнение это пока отнюдь не в мою пользу. Времени осталось слишком мало, чтобы на это мнение повлиять в нужном мне ключе, и слишком много для того, чтобы жесткие действия со стороны власти не привели к резкой радикализации обстановки.

* * *

Империя Единства. Ромея. Константинополь. Императорский причал Дворца Единства. 4 октября 1918 года

Несколько одинаковых автомобилей показались из-за угла дворца и выехали к причалу. Из первого и второго автомобиля выскочили офицеры охраны и быстро рассредоточились, занимая свои места. К старшему подошел начальник службы

безопасности дворца и коротко доложил обстановку, а тем временем трое из прибывших офицеров поднялись по трапу, быстро осматриваясь и оценивая обстановку. Еще через считаные мгновения руководитель охраны, убедившись, что все идет штатно, распахнул дверцу третьего авто и галантно подал руку.

Завидев высокое начальство, капитан-лейтенант Болдырев и лейтенант Скворцов вытянулись по стойке смирно и синхронно приложили ладони к обрезу своих фуражек.

– Здравия желаю, ваше императорское высочество! Яхта готова к отплытию!

– Благодарю вас, капитан. Добрый день.

Ольга Александровна, дождавшись кивка руководителя охраны, прошедшего на яхту перед ней, с достоинством поднялась по трапу и заняла свое место на красной ковровой дорожке в начале строя почетного караула, построенного из членов команды.

– Ваше императорское высочество! Почетный караул экипажа императорской яхты «Стрела» построен! Начальник почетного караула капитан-лейтенант Болдырев!

Местоблюстительница Ромеи пожала руку капитану корабля.

Хотя сегодня была рабочая поездка на пустяковое расстояние, но все равно заиграл гимн Единства. Ольга обошлась бы и без этого представления, но протокол никто не отменял, да и капитан-лейтенант Болдырев убедил ее, что если не оказать матросам чести торжественного смотра со стороны августейшего шефа яхты, то экипаж будет очень расстроен. Тем более что идет негласное региональное соперничество между экипажами императорских яхт «Полярная звезда», «Царевна», «Стрела».

Собственно, именно Ольге «Стрела» и была обязана возвращением в отряд императорских яхт. Совершив по ее заявке переход из Балтики на Черное море, «Стрела» была переоборудована на Николаевских верфях и переведена из статуса посыльного корабля обратно в разряд яхт. Брат предлагал ей свою «Зарницу», но слишком уж она была тихоходна для бешеного ритма жизни местоблюстительницы, а роскошь… Роскошью она была сыта по горло и в

бывших султанских дворцах, как, впрочем, и на его бывшей яхте. Скорость – вот главное! 17,5 узла против 10 узлов на «Зарнице» – в этом и был секрет ее выбора. Более высокая скорость хода позволяла достичь того же острова Христа меньше чем за полчаса, а Мраморного острова всего за четыре.

И царственный брат вполне разделял ее страсть к скорости, пусть даже в ущерб комфорту. Так на Путиловских верфях Петрограда уже полным ходом строились две новые скоростные яхты на типовой базе эсминца «Новик». Конечно, роскоши «Штандарта» там ждать не приходится, но скорость в 35 узлов компенсировала все. Быстрее пока только дирижабль и самолет.

Церемония меж тем шла своим ходом, и великая княгиня звонко отчеканила:

– Честь в Служении!

Слитное:

– На благо Отчизны!

Местоблюстительница Ромеи двинулась вдоль строя, вглядываясь в лица моряков. И глядя на блеск глаз и ту торжественную гордость, которую было трудно не заметить на лицах, даже прикрытых уставными масками, Ольга подумала, что, возможно, действительно есть что-то важное в монархии и рождаемой ею Традиции. Хотя брат столько уже сломал за полтора года, что трудно уже понять, чем вызван этот восторг – прошлым, настоящим или будущим.

Строй почетного караула был коротким. Всего тридцать человек экипажа. Не сравнить с тремястами сорока офицерами и матросами на царской «Полярной звезде» или тремястами семидесятью тремя на «Штандарте». Но Ольге больше и не нужно, плавучий дворец ей ни к чему.

Оркестр на берегу отыграл, смотр завершился, и, к вящему облегчению великой княгини, она смогла пройти на отведенное ей место. Опустившись в шезлонг, она перевела дух.

Да, ради столь короткого пути столько головной боли. Одна надежда, что, когда достроят мост, ей не будут требоваться такие усилия, чтобы просто оказаться на том берегу по государственным делам.

Гудок наполнил воздух, и, отдав концы, «Стрела» отошла от причала.

Грохнул выстрел, и Ольга покосилась в сторону стоявшего на рейде перед дворцом крейсера. Что ж, вот и полдень наступил со всеми этими церемониями. Полдня прошло впустую, серьезный разговор лишь предстоит, а времени меньше с каждым часом. Слишком осложняется ситуация, слишком многое поставлено на карту. А тут еще пандемия эта.

Совершив разворот, «Стрела» прошла мимо стоящего на якорях крейсера. На его палубе были четко видны ряды офицеров и матросов, которые выстроились для приветствия. Вздохнув, великая княгиня поднялась из шезлонга и, подойдя к борту, величественно приветствовала моряков крейсера «Аврора».

Подняв загодя приготовленный рупор, местоблюстительница прокричала, стараясь побороть расстояние:

– Честь в Служении!

Слитный рев:

– На благо Отчизны!

Послышалось троекратное «ура», вновь играет гимн, на этот раз уже в исполнении оркестра на крейсере. Хотя иметь в экипаже собственный оркестр крейсеру не полагалось, но император Михаил Второй повелел ввести его в состав экипажа, как раз для таких случаев.

И глядя сейчас на проплывающий мимо них крейсер, Ольга Александровна почему-то вспомнила тот разговор с царственным братом, когда они точно так же проходили мимо стоявшего на якорях этого крейсера…

* * *

Империя Единства. Ромея. Константинополь. В виду дворца Единства. Императорская яхта «Полярная звезда». 4 июня 1918 года

…Отыграл государственный гимн Единства, Михаил Второй и императрица Мария отняли ладони от своих головных уборов, а одетая в цивильное платье Ольга просто склонила голову, приветствуя флаг удаляющегося из поля зрения крейсера.

Официальная часть завершена, и все трое смогли расслабиться. Император помог жене присесть, потом галантно пододвинул шезлонг сестре, а затем уж и сам опустился в такое же кресло.

Личный камердинер государя Евстафий подал чай. Отпив из чашки, Ольга заметила, как ее царственный брат любуется фигурой жены, вновь обретшей свою прежнюю стройность. Впрочем, понятное увеличение в области бюста заставило лейб-портных шить императрице новые платья, равно как и новые мундиры, в одном из которых она сейчас и щеголяет, наслаждаясь забытой на время возможностью надеть свою любимую форму генерала ИСС. И следует отметить, что военная форма очень шла юной императрице и лишь подчеркивала стройность ее фигуры.

И теперь можно явно утверждать, что, Маша относится к тому типу женщин, которых беременность и роды лишь делают еще красивее и совершеннее. Что ж, она действительно расцвела во всех смыслах этого слова. Высокая, бойкая и несколько угловатая вчерашняя девица осталась в прошлом, а вместо нее явилась миру уверенная в себе, блистательная молодая женщина. И Ольга видела, с каким явным удовольствием задувала она семнадцать свечей на своем праздничном торте четыре дня назад.

Да, у Маши есть все поводы гордиться собой и своей удачей. Бывшая итальянская принцесса из тысячелетнего Савойского Дома, волей судьбы и прозой державной необходимости династического брака между Россией и Италией, стала сначала императрицей Всероссийской, затем еще и императрицей Ромеи и нового Единства.

Но Ольга своим женским сердцем чувствовала, что для бывшей принцессы Иоланды сейчас эти три короны вовсе не главное в жизни. Маша действительно безумно любит ее брата и счастлива с ним. К тому же она исполнила главное

предназначение всякой жены монарха – произвела на свет наследника престола и любимую дочь императора. Да, такое счастье выпадает далеко не всякой принцессе, вынужденной вступать в брак, исполняя царственную волю и свой долг. И сама Ольга была тому ярким примером. Ярчайшим. Пятнадцать лет тьмы, тоски и ужаса…

Местоблюстительница Ромеи поспешила отогнать дурные воспоминания. Дурные, словно тот дурной сон. Слава богу, все осталось в прошлом. У нее сейчас есть любимый муж, любимый сын и любимая работа, как называет ее царственный брат свое Служение.

Что ж, путешествие в Москву начинается. Сейчас им предстоял переход через Черное море в Севастополь, где их ожидал императорский поезд, готовый на всех парах устремиться в Первопрестольную. Впереди много ответственных событий. Событий, прямо скажем, государственного значения. Например, крестины августейших детей. Ведь это у простых родителей крестины событие, хотя и торжественное, но сугубо частное и личное, а вот в случае с императорской семьей все это приобретает совершенно иное, державное значение.

Да, ровно через десять дней в Москве состоятся государственные торжества по случаю крещения наследника цесаревича Александра Михайловича и царевны Виктории Михайловны. Прибудут высокие крестные родители – император Эллинов Константин, королева Румынии Мария Эдинбургская, царь Болгарии Борис и императрица Эллинов София Прусская. Большое событие, большие торжества, большая политика.

Ольга усмехнулась. Да уж, родная сестра кайзера Вильгельма станет крестной матерью русской царевны Виктории, а Мария станет крестной матерью цесаревича Александра, будучи сама при этом внучкой британской королевы Виктории и одновременно внучкой русского императора Александра II. Впрочем, чему тут удивляться, если и самой Ольге тот же кайзер Вильгельм приходится кузеном, а британский король Эдуард VIII племянником? А через брак с Машей Дом Романовых породнился теперь и с Савойским Домом. Все друг другу родственники, что не мешает им между собой устраивать по-семейному кровопролитные войны и всячески соперничать. Таковы гримасы истории и таковы реалии династических отношений в Европе.

А пока им предстоит дальний путь, в такую далекую отсюда Москву. Ибо, как сказала императрица Мария, рожденные в Порфире Константинополя наследник и царевна должны быть крещены в Святой Руси, в самом ее сердце, подтвердив тем самым свои права на объединенный Престол Единства.

– Мишкин, всегда хотела у тебя спросить, а зачем ты повелел перевести из Балтики сюда этот крейсер? Да еще и решил поставить его напротив дворца Единства? Нет, я понимаю, выстрел из орудия в полдень – это прекрасная петербуржская традиция, но все же?

Михаил посмотрел на сестру и улыбнулся.

– Ну, это достаточно героический корабль, вполне имеет право стоять напротив моего дворца в Константинополе. Все-таки участник Цусимского сражения…

Ольга покачала головой.

– Да-да, я помню эту историю. Экипаж героически сражался, в том бою погиб командир крейсера и все такое прочее. Но таких героических кораблей много. Вспомним тот же твой триумф при Моонзунде. Почему именно этот? Чем он тебе так дорог?

Император помолчал, затем проговорил нехотя:

– Понимаешь, Оленька, для меня этот крейсер является напоминанием о том, как могла пойти история. Совсем по иному пути она могла пойти. Тогда, в день моего восшествия на престол, обезумевшая и подстрекаемая агитаторами толпа из нижних чинов экипажа крейсера «Аврора» растерзала своего командира и старшего офицера корабля. На мачте был поднят красный флаг и крейсер присоединился к революции, а точнее, к мятежу, поскольку революции в итоге не случилось.

Ольга помнила эту историю. Как и то, как беспощадно брат расправился с экипажем крейсера «Аврора», невзирая на объявленную амнистию. Об этом не писали в газетах, но всех активных участников того мятежа военный трибунал приговорил к смертной казни или к двадцати пяти годам каторжных работ, а остальных членов экипажа перевели служить во Флотилию Северного Ледовитого океана, разбросав по разным кораблям и вспомогательным судам

флотилии.

Впрочем, активных участников мятежа в Кронштадте ждала та же судьба. Может, именно поэтому не возникло потом проблем с дисциплиной, когда поступил приказ выйти на бой с превосходящими силами противника в августе 1917 года. Моряки не бузили, не устраивали митинги, а исполняли свой долг. Они шли умирать. Да, благодаря гению ее царственного брата, они в итоге одержали блистательную и историческую победу над германским флотом, потопив десять вражеских линкоров и захватив еще один. Полный и эпический разгром, о котором сняты фильмы и сложены легенды. Но ведь, идя в бой, моряки Балтийского флота не знали, чем закончится сражение, верно?

Михаил меж тем продолжал:

– Каждый раз, когда орудие крейсера «Аврора» делает свой выстрел, я думаю не только о том, что история России могла пойти иначе, но и о том, что еще нужно сделать для того, чтобы этого не случилось. Ведь, если я расслаблюсь, все еще вполне может полететь в тартарары. Революцию нельзя предотвратить, ее можно только возглавить…

Император замолчал, провожая взглядом удаляющийся силуэт крейсера. Ольга, видя, что брат больше ничего не скажет, все же уточнила:

– Хорошо, а зачем ты повелел перевести корабль в Константинополь? Поставил бы его перед Зимним дворцом…

Брат расхохотался:

– О, нет, Оленька, нет! Выстрел крейсера «Аврора» у Зимнего дворца, это зрелище, право, не для моих нервов!!!

Глава II. Россия перед выбором

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 4 октября 1918 года

События имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему. Точнее и не скажешь.

– Насколько мы контролируем обстановку?

Министр внутренних дел сделал неопределенное выражение лица и глухо ответил:

– Мы делаем все возможное, государь.

Что ж, прозвучало чрезвычайно оптимистично. Значит, все значительно хуже, чем может показаться на первый взгляд.

– Ваши предложения, Николай Николаевич?

– Полагаю, государь, что нужно объявить сборы резервистов в батальоны территориальной обороны и батальоны войск Внутренней Стражи. Привлеченных к обеспечению порядка дивизионов Отдельного Корпуса жандармов нам явно может не хватить. Мы не можем исключать эксцессы и появление очагов бунта в указанных губерниях. Как, впрочем, и в любых других. Но в этих губерниях нам нужно усиление в первую очередь. Местные силы охраны порядка, включая ячейки Фронтового Братства, могут лишь ограниченно влиять на ситуацию, и, в случае стихийной вспышки насилия, вряд ли смогут как-то решающим образом помочь.

– Стихийной?

– Во многом да, государь. Действительно на местах немало недовольных, а льготы участников Фронтового Братства лишь усугубляют напряжение.

Да, усугубляют. С одной стороны. Но с другой… Так у меня есть десятки, если не сотни тысяч моих опричников на местах, которые являются моей опорой, уравновешивая власть стихийной толпы в деревне. Но слаба эта опора. Может дрогнуть в любой момент. Пока центральная власть сильна, они за меня. А вот в случае чего… Видел я такого и здесь, и уж тем более в моем времени, предостаточно. Ситуаций, когда чиновники, армия и органы правопорядка, почувствовав слабину верховной власти, начинают колебаться, потом искать

«запасные аэродромы», пытаться «на всякий случай» договориться с оппозицией. И тогда – все, хватай мешки – вокзал отходит! Если власть не готова идти до конца, то грош цена этой власти.

В этом контексте мне всегда импонировали правители, которые погибали с оружием в руках, сражаясь за свою власть и свою державу до последнего, ведя последних верных в смертельную героическую, пусть и обреченную атаку. Атаку, о которой потом будут слагать легенды.

И я всегда презирал тех правителей, кто в отчаянии бросался на собственный меч, кто травился малодушно цианистым калием в глубоком бункере или был повешен вверх ногами, словно тот жертвенный баран, оплевываемый глумящейся и проклинающей толпой вчерашних раболепных подданных.

Однако следует признать, что дело действительно принимает нешуточный оборот.

– Агитаторы?

– Официально отмечены агитаторы от партий, которые идут на выборы в Госдуму и в местные органы власти. Агитаторов от подпольных революционных партий практически не отмечается.

Ну еще бы! Мы за год почистили даже каторги и ссылки, предложив сидельцам два варианта на выбор – либо официальное отречение от революционной борьбы с режымом и включение в деятельность парламентских партий, либо роскошный белоснежный лайнер (шутка) к берегам Мексики. Благо наши неофициальные контакты с Лениным и Сталиным подтвердили заинтересованность означенных вождей в «спасении от царской тирании» своих активных товарищей. В Мексике остро не хватало (Ленину, Сталину и прочим товарищам) опытных и надежных революционеров из России, поскольку их (вождей) собственные позиции были там пока весьма и весьма слабыми.

В общем, мы с вождями революции договорились. Они «эвакуируют» из России всех упоротых, а мы им в этом всячески помогаем. У нас же остаются те, кто готов менять жизнь не путем революции, а путем эволюционным, через выборы и парламентскую работу.

Но, как всегда, это все было в теории. На практике же все довольно кисло пока выходит, несмотря на все наши мероприятия и приготовления. Снижения напряженности не случилось, даже невзирая на радикальное уменьшение в стране численности революционного элемента.

Вновь обращаюсь к главе правительства:

– Но мы отвлеклись. Вам слово, Алексей Алексеевич.

Маниковский вновь поднялся на ноги и раскрыл свою папку с гербом Российской империи.

– Государь! Глубокое беспокойство вызывает вопрос подготовки к зиме и к накоплению запасов хлеба на складах городов центральной, северной и восточной частей России. Как известно вашему величеству, основная сетка железнодорожных путей исторически проложена таким образом, что в массе своей эти дороги ведут с востока на запад, и значительно меньше линий идут с юга на север. Эта ситуация уже не раз приводила к серьезным перебоям в поставках хлеба в Москву, Петроград и другие города в случае, если заблаговременно на складах не были накоплены достаточные запасы, могущие обеспечить потребности населения в условиях зимы и снежных заносов на дорогах. Такая ситуация возникла зимой 1917 года, чуть легче мы пережили зиму 1918-го. Однако, невзирая на спешное расширение пропускной способности существующих линий и строительство новых дорог, нам пока не удалось накопить достаточные запасы на складах. Более того, ситуация довольно тревожная, поскольку значительные объемы собранного зерна отправляются в Ромею, а потрясения земельного передела наверняка приведут к колоссальному спаду производства хлеба в стране…

Я слушал главу правительства о ситуации в России. И ситуация эта была отнюдь не радужной. Разумеется, в принципе, я все это знал и без Маниковского, но, судя по выражению его лица, он крайне обеспокоен, невзирая на все наши подготовительные меры.

А мы готовились. Очень серьезно готовились. И к выборам готовились, и к зиме предстоящей, и к тому, что с хлебом могут возникнуть перебои. По многим причинам могут возникнуть. И наверняка возникнут. И к тому, что обещанная и осуществленная земельная реформа неизбежно скажется на товарном

производстве. Нет в этом никаких откровений и секретов.

Во-первых, основная масса крестьян толком не имела даже толкового инвентаря и не всегда имела даже клячу-лошадь, что уж говорить о сельскохозяйственной технике и прочем.

Во-вторых, пока наши усилия, направленные на активизацию процесса укрупнения хозяйств, путем создания артелей и прочих форм коллективного землепользования, принесли куда меньшие результаты, чем мы рассчитывали. Да, мы стимулировали объединения крестьян ссудами и льготными кредитами, выделяемыми специально для таких хозяйств. Да, мы помогали возвращающимся с фронта ветеранам объединяться в такие артели или даже организовать на паях конно-машинно-тракторные станции, которым старались передавать в аренду или продавать по остаточной стоимости демобилизованную из армии казенную технику, выделяли кредиты на покупку лошадей, механизации и прочих сеялок с веялками, и установили для них приоритет на приобретение тракторов и всего, что выпускалось в России, но чудес ведь не бывает! Чуда и не случилось, поскольку, несмотря на все поставки по ленд-лизу, который остался в итоге у нас, несмотря на все прямые закупки техники в Америке, несмотря на то, что четверть выплат по компенсациям за Польшу мы получали от США и Германии в виде готовой техники американского и немецкого производства, и конечно же, невзирая на налаживание собственного выпуска, нам все еще остро не хватало тракторов, грузовых и легковых автомобилей, прочей сельхозтехники и инвентаря. Да и лошади из воздуха вдруг не рождаются. Тем более в требуемом количестве.

Так что нет ничего удивительного в том, что вот эта вся масса крестьянского люда не сможет дать нам достаточно зерна и прочего продовольствия. Тут бы голод не случился и то хорошо. Но не было никакой уверенности в том, что мелкие крестьянские хозяйства смогут прокормить даже сами себя.

Определенной возможностью и, что греха таить, надеждой пережить трудные времена были агропредприятия, созданные на основе уже существовавших прежде крупных хозяйств-экспортеров, ранее принадлежавших крупным собственникам. То есть лицам, которые, согласно «Манифесту о земле», не могли владеть большим размером надела, чем было установлено для данной местности. И при этом такие крупные хозяйства запрещалось разделять. В этом случае земельный передел происходил не через деребан земли, а через акционирование, разделение на паи, сохраняя тем самым единый хозяйственный

комплекс, уже доказавший свою эффективность.

Все излишки земли прежнего собственника формально национализировались и при этом за всю рыночную стоимость изъятой земли он получал компенсацию в виде пятипроцентных облигаций земельного займа, которые бывший землевладелец мог обменять на многие плюшки от государства – концессии, выделение земли промышленного назначения и многое другое, часто довольно вкусное, и призванное оживить нашу торговлю и дать дополнительный стимул развитию промышленности.

Но многие из бывших крупных собственников-экспортеров предпочитали остаться на прежнем месте, став директорами агропредприятий, тем более что, изъяв у них излишек земли, государство никак не покушалась на его движимое имущество, включая тракторы, лошадей и прочий инвентарь. Так что те, кто посообразительнее (а в успешном сельскохозяйственном бизнесе по экспорту зерна таких было немало), помимо управления агропредприятием, еще и создавали себе параллельный бизнес – собственные машинно-конно-тракторные станции и начинали оказывать услуги окружающим «фермерам».

Да и в целом агропредприятия имели весьма приличные условия для хозяйствования, включая форвардные контракты, которые заключались с государственным концерном «Закрома Родины» на закупку установленных объемов будущего урожая по фиксированным ценам. А под такие контракты можно было получить льготный кредит, купить в рассрочку технику, бытовые товары по вкусным ценам, керосин тот же, да и многое другое, включая гармони и патефоны с граммофонами.

Причем и в этом вопросе многие горлопаны посчитали себя обманутыми, ведь многие рассчитывали на то, что можно будет на халяву получить от вчерашнего успешного «мироеда» свой пай, получать свою часть его трудов и ничего не делать при этом, выступая на всяких митингах. Но не прокатило, поскольку все паи были разделены между отличившимися фронтовиками и семьями погибших на войне. И Фронтовое Братство очень внимательно следило за процессом.

Нужно ли говорить, что кое-кому члены Фронтового Братства решительно не нравились?

В общем, недовольных было много. И чем ближе было к окончанию раздела, тем больше было недовольных. Не говоря уж о том, что немало бывших крупных и средней руки землевладельцев, получив свои облигации «Земельного займа», все равно мечтали поставить мне подножку, всячески раздувая недовольство «голытьбы», дабы заставить императора вновь искать для себя опору среди помещиков.

И такое подстрекательство давало свои плоды, а моим спецслужбам было не так просто ловить агитаторов, особенно в контексте приближающихся выборов, когда «предвыборный сход» становился обычным делом. А уж что они там намитингуют, это еще тот вопрос.

С теми же общинами назревали серьезнейшие проблемы, поскольку большая их часть не желала ничего менять в своем вековом укладе. Они решительно не желали преобразовываться в агропредприятия на паях, и при этом вели такое допотопное хозяйство, что часто едва сводили концы с концами.

Но зато общинников страшно бесило, что государство оказывает поддержку именно агропредприятиям, а не раздает деньги и технику «истинно народным общинам». И особенно общинников злил сам факт существования агропредприятий. Поэтому все чаще резолюциями таких сходов были призывы ликвидировать все агропредприятия, а их землю и имущество «разделить по справедливости».

Так что слом старого и неэффективного уклада шел непросто. Земли было мало, а крестьян было много. Излишне и опасно много. Новая революционная ситуация начинала зреть.

Да, мы пытались смягчить эту ситуацию, организованно переселяя лишние рты и руки в Ромею, Галицию, в Западную Армению, агитируя вступать в новые казачьи войска на завоеванных землях, маня огромными возможностями Сибири и Туркестана, вербуя на крупные стройки и в многочисленные трудовые отряды Министерства Служения, в инженерно-строительные бригады, в конце концов просто в города, где все бурно строилось, но все это даст эффект через год-два-три, а пока…

– …В этой связи, государь, я настоятельно рекомендую бросить весь подвижной состав на переброску зерна с юга в центральные, северные и восточные

губернии, а также немедленно прекратить отгрузку зерна в Ромею…

* * *

Империя Единства. Ромея. Константинополь. В виду дворца Единства. Императорская яхта «Стрела». 4 октября 1918 года

…Прошло ровно четыре месяца с того их разговора с братом на яхте «Штандарт». Миша сейчас в Москве крутится, словно та белка в колесе, пытаясь удержать ситуацию в России под контролем. Маша нынче, словно та сказочная царевна, сидит взаперти на острове Христа, а сама Ольга старается всюду поспеть, не допустить, поддержать, выдержать, поговорить, уговорить, выслушать, провести, подписать, написать… Причем в круг ее обязанностей входит не только Ромея, но и, как выразился царственный брат, кураторство над всем южным флангом Новоримского Союза, поскольку именно в Константинополе расположены основные органы управления и штаб-квартира этого объединения.

Ольга прищурилась, любуясь солнечными бликами на волнах Босфора. Морской бриз слегка холодил кожу, хотя октябрьское солнце пекло немилосердно. Вдохнув полной грудью, она прикрыла глаза. Что ж, хотя она здесь не для прогулки, но почему бы не получить удовольствие от короткого морского вояжа? Когда она в последний раз была на яхте? Очень и очень давно. Чем, по утверждению командира «Стрелы», весьма и весьма расстраивала экипаж императорской яхты.

Немудрено. Экипаж «Стрелы» стремится подчеркнуть (и выпятить) свою честь при каждом удобном случае и без оного, ведь они экипаж самой маленькой яхты Южного особого Императорского морского отряда кораблей и по размеру, и по формальному статусу августейшего шефа. А это ранило самолюбие и порождало необходимость доказывать свою первость хоть в чем-то. И, как ей неоднократно докладывали, такое соперничество уже не раз становилось причиной массовых драк членов команд императорских яхт в портовой пивной «Королевский альбатрос» Константинополя, куда любили захаживать все означенные моряки.

Что ж, судя по отсутствию видимых синяков на лицах почетного караула, баталий давно не случалось. Впрочем, чему тут удивляться? Головная яхта «Полярная звезда» ожидает государя императора в Севастополе, яхта

«Царевна» пришвартована к причалу на острове Христа, где ждет повелений императрицы Марии, а «Стрела» осталась в Константинополе.

Как, наверное, тоскливо Маше видеть на волнах свою «Царевну» и не иметь возможности покинуть место своего добровольного заточения. Откровенно говоря, Ольга считала это решение блажью своего царственного брата. Но так решил император.

К счастью, не оправдались пока опасения Ольги насчет того, что в отсутствие Миши они с Машей начнут толкаться локтями, соперничая и выясняя, кто же тут самый главный. Это могло стать серьезной проблемой, ведь не зря говорят в народе – двум хозяйкам на кухне делать нечего. Но нет, молодая императрица проявила известную мудрость и не стала вмешиваться в сферу местоблюстительницы Ромеи, предпочитая продолжать заниматься тем же, чем она занималась и раньше.

Ольга расслабленно сидела в шезлонге, защищаемая от солнца тентом. Как хорошо вот так просто посидеть, не забивая голову всякими глупыми пустяками и не думая о делах…

Но как тут не думать, когда дел просто невпроворот! Пандемия наступает, число зараженных быстро растет. В Троаде пришлось ввести особое эпидемиологическое положение, и было совершенно понятно, что это только начало. Благо они готовились к ней больше года, готовя медицину, инфраструктуру, устраивая курсы для докторов и фельдшеров. Год они пытались устранить просто жутчайший дефицит медицинского персонала в Ромее, да так, чтобы не оголить при этом и саму Россию. Даже более того, в России тоже полным ходом наращивалась численность докторов, фельдшеров, сестер милосердия. А доктора никак не выучишь за год. Поэтому в ИСС призваны даже студенты медицинских факультетов. И конечно же врачей и прочих специалистов активно вербовали по всей Европе и в Америке, предлагая трех- и пятилетние жирные контракты на работу в Единстве. И многие ехали за длинным рублем в далекую Россию. Особенно охотно ехали из разоренной войной и революцией Франции. И не только врачи. Будучи наслышанными о том, что в России и в Ромее специалисты на вес золота и оплачиваются соответствующе, многие срывались с насиженных мест. Кто-то еще надеялся вернуться через года три-четыре, но немало было и тех, кто знал – это навсегда.

Тем более что было куда ехать. В Ромее сейчас настоящий строительный бум и специалисты были нарасхват. Стройки, стройки, стройки. Заводы и фабрики, железные и автомобильные дороги, мосты и организация паромных переправ. Реконструкция Константинополя, строительство железнодорожной магистрали Константинополь – Кишинев через Болгарию и Румынию, улучшение оставленного османами жилья и строительство нового. Много жилья нужно. А сколько строится объектов отдыха и развлечений на побережьях всех окрестных морей, включая районы Нового Илиона, Ликии, Антиохии! Да и о Мраморном с Черным морями не забывали. «Американка» тоже не вечна. Михаил оценивает ее продолжительность еще где-то в год-полтора и уже полным ходом готовится к открытию сезона в 1920 году.

Ольга усмехнулась своим мыслям. Что ж, везунчик Мишкин, возможно, ты и на этот раз угадаешь. В историю про явление Богородицы прагматичная Ольга Александровна верила слабо. В эту душеспасительную историю пусть верят подданные, у нее же было практически стопроцентное доказательство, что эта история несколько притянута за уши. И доказательство это – Маша. Истово верующая набожная итальянка наотрез отказывалась публично что-то говорить на эту тему, и даже в разговоре с глазу на глаз старательно уходила от ответа, из чего можно было сделать логичный вывод о том, что она не хочет брать тяжкий грех на душу. Но откуда-то же Мишкин узнал о грядущей пандемии? И столько времени готовился к тому, чего нет? Впрочем, в слухи об Антихристе Ольга также не верила. Аргумент тот же самый – Маша.

А брат действительно сильно изменился, словно его подменили. Она часто ловит себя на ощущении того, что она не узнает Михаила. Но в любом случае пока Мишкину везет почти всегда, судьба хранит его, и пока царствование Михаила идет во благо России, Ольга будет его поддерживать во всем, независимо от вопросов, которые у нее часто возникают. Так что идем дальше.

Возможно, с курортными стройками можно было бы и подождать, но, во-первых, эти стройки занимали огромное количество рабочих рук переселенцев из русской глубинки, чем облегчали ситуацию с землей в центральных районах России. К тому же строители курортов сразу расселялись из Константинополя по всему побережью, чем разгружали столицу и ускоряли освоение русскими прибрежных территорий. Во-вторых, Миша торопился застолбить место в новом регионе, логично полагая, что ни греки, ни итальянцы, ни французы ждать благоприятной ситуации в России не станут и развернут на новых своих землях свои, опять-таки, курорты. Ну, а в-третьих, ее царственный брат намерен был

максимально оставлять в бюджете Единства деньги отдыхающих соотечественников, да еще и привлекать иностранных туристов.

А Ромее нужны были их деньги, да и деньги вообще. Любые. Откуда угодно. Обширная Империя требовала огромных средств, доходы же от рыболовства и транзита грузов и близко не покрывали расходов, промышленность была хилой, а сельское хозяйство в достаточно отсталой с аграрной точки зрения стране пока не могло прокормить даже свое собственное население, и правительству приходилось закупать продовольствие в Болгарии и Румынии, а также ждать регулярных пароходов с зерном из России.

И хорошо еще, что использование Инженерно-строительного корпуса армии и Трудового корпуса Министерства Служения, позволяло существенно экономить на оплате труда, иначе бы уже экономика рухнула, а казна вылетела бы в трубу.

Да, деньги были нужны. Особенно если учесть, что обширные земли Ромеи нужно было срочно осваивать, край был крайне малоразвит, резко непривычен для русского крестьянина, да и местные греки (и оставшиеся в этих краях многочисленные османы) занимали все заведомо «кормовые» места на этих территориях, будучи лучше приспособленными и к особенностям местного сельского хозяйства, и специфике рыболовства, региональной торговли и ко всему прочему. Причем греков, осман, местных армян и прочих в Ромее было изначально несопоставимо больше, ну, а русские вливались лишь тонкой струйкой в общество, которое в ходе войны и сразу после ее окончания начало стремительный передел собственности и теплых мест под солнцем.

Да, «струйка» русских была мощной. Да, за переселенцами стояла огромная и мощная Империя, но переселенцы на новые территории редко когда и где были желанными гостями у местного населения. В общем, заселение территорий было непростым, и дело нередко доходило до кровавых столкновений группировок между собой, и уголовная хроника полнилась происшествиями на этой почве.

Несмотря на это, Ромея, от Константинополя до Антиохии и Иерусалима, стремительно осваивалась русскими подданными. За почти полтора года в Ромею уже переселилось больше миллиона человек из России, а по плану предусматривалось переселить и обустроить минимум 7–8 миллионов душ до 1927 года, и не менее 20 миллионов до 1941-го. Их всех сюда нужно было на чем-то привезти, в дороге и на месте чем-то кормить, дать им тут землю, работу или иное занятие, лечить, учить и всем, что требуется, обеспечить. А Единство

не Америка и, тем более, не Дикий Запад, у нас сейчас как-то не принято бросать людей на произвол судьбы в чистом поле. Недаром одним из главных символов нынешнего царствования является лозунг «Империя своих не бросает!».

Но лозунги лозунгами, а деньги тратились на это все просто колоссальные. В бюджете Империи огромная дыра. Имперскому Банку пока удается сдерживать инфляцию в разумных рамках, но совершенно очевидно, что долго так продолжаться не может.

Конечно, Миша выискивает деньги, где только может. Привлекает иностранцев, дабы те вкладывались в перспективные отрасли, брали в концессию те или иные объекты или месторождения. Немало брат вкладывал и собственных средств. Но ведь Ромея далеко не единственная и вовсе не главная статья расходов. Огромные, совершенно гигантские деньги вкладываются в развитие России. Все то же самое – стройки, электростанции, дороги, мосты, заводы и фабрики. Все то же самое, что и в Ромее, но раз в десять больше! Миллиарды и миллиарды рублей! И это помимо строительства германскими и американскими фирмами всяких объектов в рамках программы Международного Банка восстановления и развития, а также в рамках «компенсации за потерю польского промышленного района», а обе эти программы – это еще многие миллиарды!

В общем, если бы не вот это все, то ничего бы у них не вышло. Но даже с «этим всем» Россия не могла себе позволить лишних трат, так что программу переселения за Урал пришлось отложить до лучших времен. Пока Ромея не выйдет в плюс, затевать еще одно переселение было бы чистым безумием.

Поэтому, если иметь целью сделать из Ромеи, как выражается брат, успешный проект, то нужны новые источники доходов, которые и деньги принесут в казну, и переселенцев займут полезным делом.

Впрочем, нужно признать, что от намерений создать русскую Ромею приходится постепенно отказываться. Наоборот, включились традиционные для России имперские механизмы поглощения новых территорий и включения местной элиты в систему российской иерархии и аристократии. Во всяком случае, уже немало видных осман принесли присягу императору Михаилу, получили какие-то ромейские титулы и активно включились в строительство новой Империи.

И не только османская знать поняла, откуда и куда ветер. Немало простого люда все больше понимают, что прежней Османской империи уже нет и перспектив ее возрождения нет никаких. А поскольку сама Османская империя на протяжении веков исповедовала тот же принцип включения меньшинств в государственный аппарат, то и новые ромейские порядки не вызвали ни особого удивления, ни тем более отторжения. Тем более что отрекаться от веры предков никто не требовал.

Причем, судя по тому, как многие активно и прилежно учат русский язык, к своим перспективам они относятся весьма серьезно. И не только в Ромее. В конце концов, а почему бы и нет? Разве не таким путем Россия интегрировала огромные территории от Карпат и Кавказа до самого Тихого океана? Точно так, со временем, интегрируются и территории от Черного моря до Иерусалима, от Константинополя и до самой Персии. Дайте лишь время.

И как показала многовековая история России, огромное количество представителей народов, с кем Империя воевала на протяжении столетий, верой и правдой служили новому объединенному Отечеству после вхождения их земель в состав Империи. Равно как и десятки, сотни тысяч тех, кто попал в плен к русской армии в многочисленных войнах и принял российское подданство. Как и те, кто прибыл с намерением послужить несколько лет и вернуться, а в результате оставался в России навсегда.

Империя дает возможности. Во всяком случае, Россия и Империя Единства. И какая Империи разница, кто ты – великоросс, малоросс, немец, француз, татарин, киргиз, бурят, якут или турок? Служи и будь верен! Дел и величия хватит на всех…

– Ваше императорское высочество! Прошу милостиво простить…

Ольга открыла глаза:

– Да?

Капитан-лейтенант Болдырев стоял навытяжку.

– Прошу простить, ваше высочество, но мы подходим к причальной стенке.

Что ж, вот она и у цели своего визита. Здесь ее так же ждал автомобиль и еще одна машина охраны. Ну, тут уже совсем недалеко.

Наблюдая за тем, как на берегу деловито суетятся, готовясь принять швартовы с борта их яхты, Ольга в очередной раз поймала себя на мысли, что, получив казенный заказ на пошив стандартных масок для армии, авиации, флота и государственных служащих Ромеи, «Модная мануфактура баронессы Натальи Иволгиной», входящая в концерн «Натали», получила просто неприлично баснословный доход. Конечно, было известно, что самой графине Емец-Авлонской принадлежит лишь 34 процента акций, а остальное выкуплено различными инвесторами, но все равно Натали должна была просто озолотиться на этом гигантском заказе!

Во всяком случае, так трепали языками в высшем свете Ромеи, да и в России находились отчаянные оппозиционные газетенки, которые прямо указывали на коррупцию вокруг этого заказа и делали далеко идущие намеки на то, что при дворе завелись некие персоны, которые набивают себе карманы за казенный счет. Никто, правда, не решился вслух называть имена, но намекалось, что это кто-то из самого-самого верха.

И такие разговоры бросали тень на юную императрицу Марию, поскольку графиня Емец-Авлонская баронесса Иволгина входила в самое ближайшее окружение государыни, а наличие в числе акционеров графа Жилина, бывшего по совместительству еще и римским бароном, давало пищу для пересудов о том, что и без итальянцев в этом деле не обошлось.

В общем, история была достаточно скверной и грязной, чтобы ее активно обсуждали во всяких модных салонах и во время светских визитов. Имени императрицы старались лишний раз не произносить, не желая попасть под действие «Закона об оскорблении Величества», но намеки делались.

В этом вопросе Ольга считала, что ее царственный брат допустил две ошибки. Во-первых, допустил такую столь грубую ситуацию с заказом, а, во-вторых, отмахнулся от докладов спецслужб о том, что такие разговоры ведутся. Возможно, он считает это пока неважной мелочью на фоне подготовки к выборам в Госдуму, но великой княгине такие разговоры и настроения крайне не нравились. И как бы эти разговоры не вылились потом в выступления с парламентской трибуны, как это было при Николае, когда императрицу прямо в Госдуме обвиняли в чем угодно.

Разумеется, Ольга знала больше, чем простые смертные. Знала то, что 34 процента принадлежат Иволгиной лишь формально, и что это фактическая собственность царской семьи. Подозревала, что и в оставшихся 66 процентах достаточно подставных контор, за которыми стоит ее брат. И что это не единственное предприятие, в котором весомая часть на самом деле принадлежит императору. Далеко не единственное. И что Михаилу фактически принадлежит совершенно огромная собственность по всему миру. Подробностей, конечно, она не знала, поскольку брат не считал нужным и возможным лишний раз распространяться на эту тему (наверняка и Маша знает далеко не все про деньги своего царственного супруга), но была достаточно осведомлена и достаточно наблюдательна, чтобы сделать подобные выводы.

И если с остальными своими активами Михаилу удавалось пока соблюдать видимые приличия, то вот с концерном «Натали» вышла явная промашка. Опасная промашка. Они сейчас идут по очень тонкому и хрупкому льду, чтобы отмахиваться от подобных «мелочей».

Яхта тем временем пришвартовалась к причальной стенке и замерла, слегка покачиваясь на волне. Что ж, пора сделать то, ради чего она сюда прибыла.

У трапа вновь построился экипаж, провожая свою августейшую шеф-даму. Ольга кивнула:

– Молодцы! Благодарю за службу!

– Честь в Служении на благо Отчизны!

И она ступила на трап…

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 4 октября 1918 года

– Иван Христофорович, срочно проработайте вопрос с союзниками о расширении поставок зерна в Ромею.

Министр внешней торговли Озеров степенно поднялся и склонил голову:

– Сделаем все возможное, ваше величество. Однако, смею заметить, что нами и так законтрактованы весьма большие объемы. Цены неизбежно вырастут, да и не так много свободного продовольствия на рынках этих стран, которые сами еще не оправились после окончания войны. Я рекомендовал бы обратить свой взор за океан. Например, на Аргентину.

Киваю.

– Вот и займитесь.

Вновь обращаюсь Анцыферову:

– Что с подготовкой к выборам?

Глава МВД перелистнул страницу и доложил:

– Государь! Все списки имеющих в этом году право голоса уже переданы нами в местные избирательные комиссии. Доклады подтверждают, что все готово. Уверен, что через десять дней, 14 октября, мы проведем выборы в полном соответствии с действующим законодательством.

– А в случае отмены и переноса выборов?

– Готовы мы и к этому. Но смею повторить свое предложение, государь, о сборах резервистов в батальоны территориальной обороны и войск Внутренней Стражи. Такая отмена может вызвать серьезное общественное волнение в Империи.

Я кивнул. Что ж, наши планы предусматривали и такой вариант. И пока окончательное решение не принято, поскольку последних данных социологии и анализа общественных настроений у меня не было.

Нет, разумеется, по улицам не ходили интервьюеры и не задавали глупые вопросы из разряда: «Поддерживаете ли вы политику царя-батюшки?» Никто в здравом уме не стал бы откровенничать на эту тему. Поэтому мы опирались на сведения, полученные от филеров Департамента полиции, от дворников,

извозчиков, приказчиков и прочих лиц, официально работавших или неофициально сотрудничавших со структурами МВД, Имперской СБ, Отдельного Корпуса жандармов, от репортеров МинИнформа и прочих масс-медиа. Работала и обширная агентура шефа моей личной секретной службы барона Евстафия Елизарова, все эти его мальчишки-газетчики, чистильщики обуви, горничные и прочая прислуга. Не бездельничал и Корпус Служения с его разветвленной сетью отделений и отрядов по всей России. Все получаемые из разных источников сведения собирались в моем Ситуационном центре Императорской главной квартиры, и сотни аналитиков разбирали все сообщения, подавая мне итоговые обзоры и выводы на их основе.

И тут все было сравнительно понятно, хоть и не так радужно, как мне того бы хотелось. Однако же основные наши сведения поступали в основном из столиц, да еще из нескольких крупных городов, имеющих стратегическое значение. Но даже из прочих губернских городов сведения носили сомнительный характер ввиду своей обрывочности и разрозненности. Деревня же, в которой жило три четверти моих подданных, была во многом для нас настоящей Terra Incognita, и о настроениях там мы имели весьма смутное представление.

Конечно, революции делаются в столицах, и как бы ни трясло провинцию, если столицы сохранят спокойствие, то особых потрясений основ не произойдет. Но это в обычной жизни и в обычной ситуации. Не тогда, когда всенародные выборы в стране. Во времена, когда у меня нет под рукой зомбоящика в виде радио и телевидения, в виде того же интернета и прочих прикормленных блогеров. У меня в деревне многие мужики газеты берут в руки, когда нужно оторвать кусок для производства самокрутки. Да и верят они только своему брату-мужику, а не понаехавшим из города подозрительным прохвостам.

Конечно, мы вели разъяснительную работу, открывали избы-читальни, устраивали курсы ликбеза, посылали агитаторов, да и вернувшиеся с фронта односельчане многое могли рассказать и рассказывали о событиях в большом мире. Но мы физически не могли охватить все деревни и постучаться в каждую избу на всей нашей необъятной территории.

Да и русский крестьянин (впрочем, как и любой другой), с одной стороны, личность весьма консервативная и недоверчивая, а с другой – простодушная и наивная, словно ребенок малый. И при этом человек он предельно практичный и очень конкретный, чуждый высоких материй и рассуждений о чести, долге и нашей исторической миссии, но зато имеющий неизбывную тягу к простым

решениям. Типа взять все да и поделить.

По сто десятин каждому.

Проводить выборы в таких условиях было чрезвычайно опасно и рискованно. Но могли ли мы не проводить эти выборы? В теории – да. И многие меня убеждали так и поступить. И Ольга, и глава правительства Маниковский, и многие другие. Но, беря летом прошлого года всю полноту фактически самодержавной власти в свои руки, я обещал ввести в Империи Конституцию не позднее чем через три месяца после окончания Великой войны, а выборы провести через полгода после введения Конституции. А монарх, который не держит свое слово, это как бы моветон.

Конечно, все это романтические благоглупости, и, если бы мне потребовалось, я бы нашел сто пятьдесят причин этого не делать вот прямо сейчас. Но в том-то был и вопрос, что мне выборы нужны были именно сейчас, именно в этот острый момент нашей истории.

И тому был целый ряд причин.

Во-первых, к октябрю должен был быть завершен земельный передел. Кого-то его итоги устроили, но многих – нет. В деревне все лето и осень копился очень опасный потенциал негатива, который в любой момент мог вылиться в тот самый русский бунт, который бессмысленный, но предельно беспощадный. И я предпочитал дать этому негативу возможность реализоваться через парламентские и местные выборы, чем через погромы и поджоги. Да, это была крайне рискованная операция, ведь выбрать могли всяких болтунов-леваков, которые так начнут трясти Империю, что бунты в отдельных деревнях покажутся детским утренником. Но так был определенный шанс на то, что выборы отвлекут на себя внимание, потом какое-то время будут ждать каких-то результатов, а это не месяц и не два. Пока избранные депутаты доберутся до Москвы из своих Владивостоков, пока то, пока се, а там уже Рождество и зима. В общем, есть шанс до весны задержать поднимающуюся волну массовых бунтов, а там, глядишь, и что-то сможем и успеем сделать. Главное сейчас – не допустить разгула бунтарской стихии уже этой осенью.

Во-вторых, моя популярность в народе все еще довольно высока, а что будет к весне – неизвестно. А моя популярность – это голоса на выборах за те партии,

которые ориентируются на мой курс, на Освобождение и прочее Служение. Так что, если сейчас есть какой-то шанс взять приличное количество мест в парламенте и протянуть не самую плохую для нас кандидатуру премьер-министра, то вот весной все может быть совсем плохо.

В-третьих, меры по борьбе с пандемией «американки» позволили нам вводить весьма серьезные ограничения на массовые собрания и прочие митинги, чем мы затрудняли агитационные возможности прочих партий, но при этом вся мощь МинИнформа и гений графа Суворина работали на результат нужных нам партий.

В-четвертых, сама пандемия весьма здорово отвлекала общественное внимание от выборов и прочих проблем, а МинИнформ не скупился жирно мазать черной краской ситуацию с «американкой» в Европе, и в особенности в США и Мексике. На этом фоне усилия российских властей и лично царя-батюшки смотрелись весьма выигрышно, а всякие «эксперты» (прости господи!) очень хвалили меня лично, Императорскую Службу Спасения и особо благословенную императрицу Марию за ту неустанную работу, которая уже позволила спасти тысячи и тысячи жизней верных русских подданных. Ну, и так далее, что обычно втирают электорату в таких вот случаях.

Кстати, о Господе. По распоряжению патриарха во всех храмах РПЦ на каждой службе оглашали благодарственную молитву Богородице за то, что она милостиво явила свой Пресвятой Лик Всесвятейшему государю императору Михаилу Александровичу и через него предупредила богоспасаемый и богооберегаемый народ русский о грядущем море и эпидемии. Подобные молитвы читались в храмах всех остальных религий и конфессий России и Ромеи.

Но все принятые меры и проводимые мероприятия не гарантировали главного – приемлемого результата на выборах. И судя по сводкам последних двух недель, мы медленно, но весьма уверенно теряем позиции. Особенно паршиво то, что реальных замеров общественной поддержки в деревне провести невозможно, а данные оттуда поступают весьма нехорошие.

Конечно, мне могут возразить, что мои страхи не имеют под собой оснований, и, вообще, важно не как голосуют, а как считают. Но в том-то и дело, что избирательные комиссии создавались на местах, в том числе из известных и уважаемых в округе людей. Мне нужна была легитимация этих выборов, а не скандалы вокруг фальсификаций и прочих подтасовок. Да и трудно это было

организовать за столь короткое время на столь огромной территории, и при этом еще и не разу не попасться.

Так что выборы у нас были настоящими, как ни дико это звучит.

И, похоже, что выборы эти мы проигрываем…

Глава III. Изнанка сияния короны

Империя Единства. Ромея. Остров Христа. Усадьба «Орлиное гнездо» (Убежище Судного дня). 4 октября 1918 года

Бумаги. Очередные бумаги. Бумаги ведомств Императрицы Марии, Императорской Службы Спасения, отчеты о ходе поголовной вакцинации населения, о борьбе с «американкой», о создании и о деятельности детских приютов, а также домов призрения для инвалидов. Бумаги о ходе строительства больниц, отчеты об открытии и устройстве женских учебных заведений. Просветительство, школы, фельдшерские пункты, библиотеки, благотворительность, благотворительные базары и аукционы. Императорское православное палестинское общество, Императорское женское патриотическое общество, Императорские Петроградский, Московский, Гатчинский, Константинопольский и Новоилионский сиротские институты, Императорское общество «Союз женщин Освобождения», женские газеты и журналы. Доклады о работе с суфражистками Европы и Америки, соображения Натали о возможности увеличения влияния на женские движения Великобритании…

И прочая, прочая, прочая…

Бумаги, бумаги, бумаги…

Императрица тяжело вздохнула.

Как все надоело!

Как невыносимо находиться так далеко от мужа! Сидеть на этом трижды проклятом острове и не иметь возможности, как в былые времена, лихо повелеть подготовить дирижабль к вылету и улететь прямо туда, где она так нужна в этот момент. Или где ей самой быть необходимо. Или хочется быть.

Сиди здесь, разбирай бумаги эти чертовы, прости господи! Как Ольга умудрялась и умудряется совмещать заботу о маленьком сыне и державные обязанности местоблюстительницы? Лично ей такое удается с большим трудом…

Тут Маша усмехнулась, вспомнив доклад баронессы Иволгиной, точнее, теперь графини Емец-Авлонской, о том, что Ольга Александровна всерьез опасается того, что царица начнет в отсутствие мужа вмешиваться в дела местоблюстительницы и, вообще, будет всячески заниматься самоутверждением. Возможно, прошлым летом она бы так и поступила. Но, во-первых, Ольга доказала свой административный талант и хватку, чтобы у кого угодно отбить глупую охоту понапрасну вмешиваться в ее вопросы. Во-вторых, сама Маша всерьез повзрослела за это время и умерила свою порывистость в принятии решений. А, в-третьих и, вероятно, в-главных, Маше просто некогда этим заниматься. Да и самозаточение на острове Христа не способствовало активному вмешательству в константинопольские дела.

Императрица бросила взгляд на часы на письменном столе. Скоро кормить Сашу и Вику. Но четверть часа у нее есть, а если что – ей сообщат.

Отложив наконец сводку о росте числа заболевших «американкой» по губерниям России и по провинциям Ромеи, она хмуро подвела неутешительный итог – пошел резкий рост заболеваемости. И карантин в Троаде лишь первая ласточка. Ужасная первая ласточка.

Следующая бумага. Точнее папка.

«Археологические исследования руин Миры Ликийской, строительство зрительных площадок для паломников и подготовка к работам по благоустройству территории». Авторы – Императорская Академия наук, Императорский Константинопольский университет и Императорское православное палестинское общество «с благословения Вселенского Патриарха Макария II».

Маша криво усмехнулась столь дикому сочетанию. Нет, разумеется, она знала об этих работах, более того, она их и курировала, но на обложке папки это смотрелось довольно забавно.

Впрочем, важна не форма. Она открыла папку и углубилась в чтение. Что ж, в районе Миры Ликийской создавалась настоящая жемчужина для туристов и паломников – шутка ли, место, где пристал к берегу корабль апостола Павла, и город, где жил и проповедовал сам святой Николай Чудотворец! Да и развалины античного города не оставят путешественников равнодушными. Один амфитеатр чего стоил!

Да, сейчас мешает пандемия. Но она же не вечна! Миша утверждает, что еще год-полтора. Поэтому, памятуя прозорливость мужа в прошлые случаи, императрица не без оснований рассчитывала на то, что после окончания карантинных мер, начиная с Рождества Христова 1919 года, в Ромею хлынет огромный поток паломников, и спешила к этому сроку обустроить все самым наилучшим образом. В том числе проведя археологические изыскания и подготовив площадки для обозревания древностей. Площадки, откуда паломники и туристы смогут наслаждаться стариной, а также смогут заодно купить весь тот хлам, который обычно увозят домой на память.

Отдельной и обширной заботой августейшей Марии Викторовны было обустройство и развитие в Ромее всей туристической отрасли, а также виноделия.

Последним двум вопросам молодая императрица предавалась со всей страстью, лично курируя ход строительства курортов, санаториев, пансионатов, домов отдыха, обустройством набережных и мест досуга, и даже добилась от царственного мужа дозволения открыть казино и прочие места для азартных игр в Новом Илионе, Порт-Михаиле, Сияющем и в Новом Олимпусе, бывшем Кемере.

Что же касается виноделия, то Ромею обживали не только русские виноделы из традиционных районов России, типа того же Товарищества «Шустов и сыновья», но и активно переманивались специалисты из Италии и Франции, более знакомые с условиями Средиземноморья и с особенностями выращивания винограда в этих климатических зонах, для которых Крым был далеким и холодным Севером. И судя по размаху проводимых работ и потоку переселенцев, императрица Мария имела серьезные виды на получение местного ромейского вина и коньяка хорошего качества. Во всяком случае, принц Фердинанд де

Фосиньи-Люсинж и его супруга принцесса Мария-Жюльетта де Фосиньи-Люсинж (урожденная Эфрусси) давали ромейской императрице очень хороший прогноз. И она им вполне верила. Особенно с учетом того, какие огромные средства чета Фосиньи-Люсинж вкладывает в развитие виноградников, строительство виноделен, а заодно в гостиничное дело по всему побережью. И Фосиньи-Люсинж были далеко не единственными французами и итальянцами. Да и венский Дом Ротшильдов, через ту же баронессу Беатрису Эфрусси де Ротшильд, получившую по праву брака русское подданство, не остались в стороне.

В общем, забот у Маши было предостаточно, не говоря уж о двойне, которая также требовала внимания и заботы августейшей мамы. Так что царице было точно не до вмешательства в епархию местоблюстительницы. Двадцать четыре миллиона квадратных километров Единства. Забот хватит на всех.

Денег бы только где взять на это все!

Царица встала и от души сладко потянулась. Сейчас бы поспать. Хотя бы часика два. Лучше три. Да. Три определенно лучше.

С этими мыслями Маша вышла из-за стола и, подойдя к окну, распахнула рамы. В гавани одиноким силуэтом маячила ее «Царевна». Императрица тяжело вздохнула. Нет, она знала о причинах того, почему яхта стоит здесь, ведь у нее должна быть возможность для экстренной эвакуации, либо для срочного прибытия в Константинополь. О причинах, которые могут заставить ее сделать этот шаг, не хотелось думать. Поскольку такими причинами могли быть попытка государственного переворота или смерть императора. И тогда ей придется брать в свои руки всю полноту власти, став Правителем Государства и Главой Совета Правителя при малолетнем императоре Александре IV.

Мысли почему-то вновь перескочили на тему яхт. Откровенно говоря, количество яхт на юге было чрезмерным, но царственный муж грозился перевести сюда еще и «Зарницу», оставив в Кронштадте лишь головной «Штандарт» и мелководную «Александрию». И на удивленный вопрос жены спокойно пояснил, что основная политика делается сейчас вокруг Константинополя и ему нужно иметь под рукой, что предложить высоким гостям для встреч, да и для официальных визитов по Средиземноморью пригодятся. А затем добавил: «Ну, зачем-то же Ники столько императорских яхт, размером с крейсер каждая, понастроил? Флоту от них никакой пользы, как боевые единицы они слишком устарели, а просто отправить их на слом – слишком расточительно. Лишние яхты

переоборудуем под круизные лайнеры для туристов. Вскоре их в Ромее много будет. Пусть эта роскошь и титулование „Императорская“ тоже деньги приносят!»

Собственно, в Николаеве уже полным ходом идут работы по переустройству «Колхиды», «Александрии» и бывшей яхты султана Мехмеда V, носящей ныне имя «Жемчужина Босфора». Все эти три яхты уже фактически были выведены из состава Императорского отряда и полным ходом готовились к своему новому амплуа…

Стук в дверь прервал ее мысли:

– Войдите.

На пороге появилась фрейлина и сделала книксен.

– Ваше императорское величество! Доставили почту.

Маша кивнула.

– Хорошо, Люба. Давай.

Любовь Орлова передала своей госпоже папку и, сделав все тот же книксен, удалилась.

Что ж, может, хотя бы почта позволит ей отвлечься от своих терзаний.

Хотя бы на время.

Первым в папке оказалось письмо от Мафальды. Что неудивительно, поскольку сестра писала ей с завидной регулярностью, и Маша была уверена в том, что не только родственные чувства тут играют главную роль. Не только и не столько.

Пробежав глазами письмо, императрица Единства лишь покачала головой. Да, если изъять из письма все обязательные реверансы, то письмо было сугубо по делу. Цифры, списки, размышления, интриги, контринтриги. Просьбы повлиять, намеки на необходимость протекции, зондаж возможности замолвить за кого-то

доброе слово.

Римские и ватиканские аристократические семьи, деловые круги – все стремились застолбить себе место в будущем Болгарии, а Мафи довольно умело лавировала между всеми этими группами. Даже более умело, чем лавировала в свое время она сама, готовясь к поездке в Москву «на смотрины».

Что ж, сестра готовилась к своему шестнадцатилетию. И предстоящему замужеству. И не она одна. На 22 ноября было намечено грандиозное венчание сразу трех августейших пар. Во-первых, ее родная сестра Мафи выходила замуж за болгарского царя Бориса. Во-вторых, старшая дочь бывшего императора Николая, Ольга Николаевна, сочеталась законным браком с наследником румынского трона Каролем, а вторая дочь Татьяна выходила за регента-престолонаследника Королевства Сербия Александра Карагеоргиевича.

И венчания эти должны пройти в один день, и в одном и том же месте – в соборе Святой Софии в Константинополе, в присутствии Вселенского патриарха, глав национальных церквей, соответствующих монархов и самого Пантократора всего единства Восточных христиан государя императора Михаила.

И событие это было значимым и грандиозным со всех точек зрения. Неслучайно этому уделялось столько внимания и самой Машей, и Мишей, и его сестрой Ольгой, и Натальей Иволгиной, и спецслужбами, и дипломатами и всеми прочими, кто так или иначе влияет на ход событий.

Ведь далеко не все в Софии, Белграде и Константинополе-Эллинском (а уж в Афинах в особенности!) были в восторге от перспектив этих браков. Усиление позиций России на Балканах было по нраву далеко не каждому. Особенно тем, кто ориентировался на другие центры силы – на Берлин или на Лондон. Пусть сейчас голос Франции и Австро-Венгрии слишком слаб, но и влияния первых двух столиц было достаточно для появления мощной и организованной оппозиции. Поэтому каждый из намеченных браков мог распасться в любой момент, разрушенный каким-то неожиданным, но весьма грандиозным скандалом.

Особенно с учетом пандемии.

Во всяком случае, интриги и подковерные баталии вокруг этого шли просто грандиозные. И нельзя дать ни малейшего повода недругам расстроить

бракосочетания.

России нужны были эти браки. Во что бы то ни стало. Нужно укрепление влияния в этом регионе. А уж для Ромеи крепкий союз с Элладой, Болгарией, Румынией и Сербией был просто вопросом выживания. Благо хоть царственный дед крепко держит власть в Черногории и не должен заставить Машу волноваться хотя бы за этот фланг. Впрочем, ее царственный отец из Рима, в рамках «Протокола о разделе сфер обеспечения коллективной безопасности между Римской империей и Единством», зорко присматривает за своей зоной ответственности и за своим августейшим тестем Николой. Да и мама тоже не дремлет.

Новоримский Союз.

Novum Pax Romana et Hellas.

Возрождение новых величий. И эти свадьбы должны стать одним из основных камней в фундамент этого возрождения.

Или она не итальянская принцесса и не русская императрица!

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». Кабинет его величества. 4 октября 1918 года

«Привет, моя радость. Люблю тебя безмерно!»

Аккуратно вывожу буквы на листе бумаги. Увы, нет в этом времени ни компьютеров, ни принтеров, ни интернета, ни всего прочего, без чего немыслимо мое родное третье тысячелетие. Вот и приходится писать ручкой с золотым пером, тщательно выводя каждую букву. Конечно, шариковые ручки уже изобрели, но пока они такого скверного качества, что использовать их для приличного письма было решительно невозможно.

Да, мы, с Волконским и Жилиным, работаем и над этим, но пока у нас всех есть насущные заботы и помимо шариковых ручек.

Хмуро смотрю на одинокую строку на чистом листе бумаги. Нет, мы с женой общаемся каждый день, используя для этого самые передовые достижения техники. Для этого времени. Тут нет вопросов. Но разве мог я телеграфом передать то, что хочу сказать? Ну, что такое этот самый телеграф? Да, именно, «волнуйтесь, подробности письмом».

Именно письмом.

Почему человек из 2015 года должен писать письма от руки? Да меня даже необходимость писать ручкой какие-нибудь заявления бесила выше всякой меры! Но, как говорится, увы мне. На улице 1918 год, компов, планшетов и прочих смартфонов нет, есть печатная машинка, есть лист бумаги и ручка. Скажи спасибо, что гусиными перьями писать не нужно.

Что-то меня понесло не в ту степь.

Отпив чаю, вновь берусь за ручку.

«Знаю, что письмо ты получишь уже завтра. Нашим малышам завтра исполнится пять месяцев. Поздравляю тебя! Я так люблю вас, я так благодарен тебе за наших чудесных деток, за то счастье, которое ты мне подарила! Мысленно обнимаю вас всех. Обними от меня наших близнецов и передай им, что папка их безумно любит.

Я очень скучаю. Пришли мне новые фотографические карточки Саши и Вики. Уверен, что они уже сильно выросли с момента прошлого письма. У меня на столе уже целая галерея из ваших фотографий, но место явно еще есть. Все время смотрю на вас и молюсь за вас.

Очень прошу тебя потерпеть. Сама понимаешь, бросить Москву в преддверии выборов в Госдуму и в ходе земельного передел, я никак не могу. Очень надеюсь на то, что выборы закончатся достаточно благоприятно для нас, а крестьянское брожение не выльется в открытый бунт. В любом случае помни, что «американка» ближе к лету пойдет на спад.

Я постараюсь приехать к вам при первой же возможности. Хотя выдержать двухнедельный карантин при моем образе жизни будет весьма непросто, а общаться по телефону через стекло – мучение еще то.

В целом же, как и ожидалось, дела значительно ухудшились. Ольге пришлось в Троаде даже ввести особое положение. Как ты понимаешь, это только начало. Очаги заражения выявлены в Киеве, во Владимирской, Вятской, Смоленской, Тамбовской и Орловской губерниях, а также в Крыму. Есть многочисленные случаи в Москве и Петрограде, но пока не катастрофично, мы принимаем все меры.

Как сообщает князь Волконский, в твоей родной Италии ситуация уже весьма плохая. Я лишь надеюсь на то, что твой царственный отец внял моим просьбам и предостережениям насчет пандемии. У него, в конце концов, был почти год для принятия необходимых мер.

Во всяком случае, отрадно то, что в Римской империи не повторяют пагубный опыт других стран и, в первую очередь, США. Свозить и размещать всех подряд больных „американкой“ в больницах и в прочих залах бессмысленно и опасно. Помочь им там все равно ничем не помогут, но позаражают они всех вокруг гарантированно. И друг друга заодно. С соответствующим процентом летальных исходов.

Нам, конечно, немного легче от того, что мы почти целый год закупали оборудование для производства кислорода, и распределяли его по крупным больницам обеих наших Империй. Кислородные подушки спасают многих тяжелых больных, и это отрадно. Кроме того, утвержденный протокол лечения «американки» значительно облегчает жизнь нашим медикам, поскольку они, в отличие от иностранных коллег, не тратят время на бессмысленные метания и суету, а знают точно, что им надо делать. Уж аспирин они больным точно не дают.

Да и больные их, большей частью, по домам сидят.

Прости, солнышко мое, но мне пора на очередную аудиенцию.

Страстно целую тебя. Поцелуй от меня наших детей.

Люблю тебя. Люблю вас.

Твой Михаил.

P.S. Подарки тебе и детям доставят вместе с письмом. Позаботься о том, чтобы все как следует продезинфицировали и обработали кварцевой лампой. Впрочем, ты и сама все прекрасно знаешь.

Целую!

Марфино. 4 октября 1918 года».

Еще раз перечитываю текст и досадливо морщусь. Разве это то, что я хотел сказать любимой женщине? Боже мой, опять какой-то производственный отчет. Неужели это она хочет от меня услышать? Какая пошлость…

Мог бы всю эту деловую хрень отправить телеграфом.

А что писать? Что я тоскую, что уже буквально бросаюсь на стены в безумном желании бросить все к чертям собачьим, и, заложив карету дирижабль, вылететь немедленно к той своей единственной, к той, кого собственным волюнтаристским решением отправил в заточение на остров Христа?

И чего больше в этом моем решении? Государственной мудрости или боязни потерять любимую, желания оградить ее и детей от малейшей возможной опасности?

Или я просто идиот, создающий проблемы сам себе и ей заодно?

Я не знаю.

Не знаю!!!

А Маше на острове каково? С двумя орущими детьми и государственными обязанностями? Она же не просто домохозяйка, а реальная императрица, обязанности которой обширны и разнообразны.

Быть может, только этим она там и спасается.

Как и я здесь.

«Марфино. 4 октября 1918 года».

4 октября.

Да, сегодня ровно два месяца с того дня, как я, расцеловав близнецов и жену, покинул остров Христа.

Сколько боли и тоски было в ее глазах! А что я ей мог сказать? Какую-нибудь пошлую фигню, типа того, что другие жены месяцами ждут своих моряков и прочих путешественников? Годами ждут солдат с войны? Держись, мол, мать, Господь терпел и нам велел…

Кому нужны все эти нелепые побасенки? Пустые слова.

Пустые строки.

Как мне все надоело…

Ладно, надо закругляться с личными делами, Россия не ждет. Я заклеил конверт и наложил сургуч Императорской печати. Уже завтра мое письмо окажется на острове Христа, иначе зачем я плачу фельдъегерям жалованье?

Москва – Харьков – Одесса – Константинополь.

Остров Христа – конечный пункт. Точнее, конечный пункт для самолета Си-29-К, который возит почту. Почту государственной важности. В том числе и мою любовную переписку с женой. Даже боюсь себе представить, через сколько лет такая банальная переписка мужа и жены будет рассекречена. Может, лет через двадцать-тридцать, а может, и через все пятьдесят.

* * *

Империя Единства. Ромея. Константинополь. Малый Николаевский дворец.
4 октября 1918 года

– Ваше императорское высочество! К вам ее императорское высочество великая княгиня Ольга Александровна!

Николай удивленно посмотрел на адъютанта, затем быстро глянул в окно и убедился, что яхта «Стрела» пришвартована всего в четырехстах метрах от дворца. Чертыхнувшись про себя, он велел:

– Просите.

Сестра вошла в кабинет и, поправляя маску с государственным гербом Единства, сказала с ноткой приветливости в голосе:

– Здравствуй, Ники! Я к тебе с визитом. Целоваться не будем, сам понимаешь, – пандемия.

Ольга демонстративно села в самое дальнее от Николая кресло. Он же не менее демонстративно остался сидеть без маски на лице.

Бывший самодержец Всероссийский настороженно смотрел на младшую сестру, которая уже по-хозяйски разглядывала его кабинет. Пауза затягивалась, и Николай счел необходимым нарушить молчание:

– Твой визит, право, сюрприз для меня.

Прозвучало весьма сухо, на что последовал подчеркнуто веселый ответ:

– Я тоже рада тебя видеть, братец! Вижу, что ты уже обжился в этом дворце. Как Аликс? Как дети?

– Благодарю, все благополучно. Аликс уже значительно лучше.

– Рада слышать. Передавай ей самый теплый привет.

Николай кивнул, прекрасно зная, что Ольга и Аликс испытывают друг к другу крайнюю степень неприязни, переходящую во взаимную нескрываемую ненависть. Больше самой Ольги его Аликс ненавидела разве что Михаила, считая его узурпатором, отнявшим трон у ее детей и слабовольного мужа.

Бывший царь осторожно уточнил:

– Полагаю, что такой занятой человек, как Местоблюстительница Императорского Престола Ромеи, да еще и в столь сложные времена, вряд ли нашла бы возможность совершить простой визит вежливости, прибыв на императорской яхте через Босфор для светской болтовни об Алекс и детях. Но, право, не стоило себя утруждать. Если ты хотела со мной поговорить, то могла бы просто прислать приглашение по телеграфу.

Ольга кивнула, и глаза ее стали серьезными.

– Да, ты прав. Это не просто визит вежливости. Я хочу с тобой поговорить о делах государственной важности.

Иронично поднятая бровь.

– С каких это пор ты хочешь говорить со мной о государственных делах? Все это время вы прекрасно обходились и без моих советов.

Многозначительное «вы» явно указывало не только на Ольгу, но и на их брата Михаила, и великая княгиня это прекрасно поняла.

– И тем не менее, Ники. Дела государственной важности. Как тебе известно, на 22 ноября намечены несколько венчаний. И у меня есть основания полагать, что и в Бухаресте, и в Белграде, и других удаленных столицах далеко не всем нравится усиление роли России при дворах этих балканских стран. А Румыния и Сербия крайне важны для Новоримского Союза вообще и для обеспечения обороны Ромеи в частности. Впрочем, ты это все знаешь. Так вот, по сообщениям из разных источников, в столицах указанных союзных нам держав все громче звучат утверждения о том, что эти династические браки нежелательны и даже

опасны, и что намеченные венчания нужно срочно отменить. Среди формальных причин называются возможность передачи наследникам гемофилии и то, что твои дочери относятся к опальному семейству, а значит, могут наносить вред отношениям между Румынией, Сербией и Россией.

– А что, разве это неправда?

Прозвучало с горечью и вызовом. Хотя в том-то и дело, что это была правда. В том числе правда была и в том, что, давая согласие на эти браки, Аликс всерьез рассчитывала использовать влияние дочерей, как будущих королев, на политику на Балканах, в Ромее и в самой России. Николай не представлял себе, как это поможет вернуть трон Алексею или Николаю-младшему, но благоверная Аликс со своим знаменитым упрямством в это верила. И делала все для этого.

– Но ты же зачем-то женился на Алисе, хотя знал о гемофилии!

Прозвучало жестоко, да так, что Николай даже дернулся. Ольга, проклиная себя за несдержанность, постаралась сгладить свою ошибку:

– Прости. Я не хотела сделать тебе больно.

Повисло молчание. Наконец, бывший самодержец с горечью кивнул.

– Ничего.

Он встал и, подойдя к окну, некоторое время смотрел на воды Босфора. После чего проговорил, не оборачиваясь:

– Господь посылает нам испытания. Пути Его неисповедимы. Конечно, если бы заранее знал, какой трагедией все это закончится, то я бы не женился на Аликс, невзирая ни на какие чувства. У нас славная семья и прекрасные дети. Я люблю свою жену, несмотря ни на что.

Прозвучало довольно путанно, а затем вновь повисло молчание.

– Я часто задаю себе вопрос – следовало ли мне отречься от престола раньше? Тогда, когда стало понятно, какой ужас обрушился на нашу семью, а с ней и на

всю Россию? Имел ли я право тянуть время, утаивая от своих подданных истинное положение дел? Но я наделся на исцеление. Мы все каждый день молили Бога о чуде. Болезнь Алексея помутила наш рассудок, и мы метались из крайности в крайность, к докторам, к шарлатанам, история эта с Распутиным…

Ольга едва сдержала себя от резкой отповеди по поводу того, что во многом именно Гришка Распутин значительно ускорил катастрофу в России и предопределил то, что от царя отвернулись все, включая собственную родню из императорской фамилии. Но скажи она сейчас это, то дальнейший разговор просто не состоится. Во всяком случае, в требуемом ей (и Империи) ключе. Поэтому она оставила свое мнение при себе.

Николай меж тем продолжал, все так же глядя на колышущуюся за окном водную гладь Проливов.

– Сама мысль об отречении Помазанника Божьего кощунственна. Но в минуты малодушия, каюсь, такая мысль посещала меня. Но в пользу кого бы я отрекся? В пользу больного сына? В пользу легкомысленного брата, на которого любой встречный-поперечный имел влияние? Такая бы чехарда началась…

– Однако же Михаил справился. – Ольга не удержалась от реплики. – И вид из окна тому свидетельством!

Ники покачал головой.

– Да, он удивил меня. Возможно, это то чудо, о котором мы молили Бога. Какая ирония…

Понимая, что разговор окончательно переходит в так любимую Николаем стадию самобичевания и посыпания головы пеплом, великая княгиня поспешила закруглить тему и перейти к тому вопросу, ради которого она прибыла сюда.

– Ники, я понимаю твое горе, но дела Империи…

Экс-император резко обернулся и бросил с гневом:

– Понимаешь?! Что ты понимаешь?!! Ты знаешь, каково это?!! Год за годом!!! В твоем голосе нет даже нотки сочувствия!!!

И тут Ольгу прорвало. Она вскочила и, сорвав маску, закричала, идя к Николаю:

– Я искренне тебе и вам сочувствую! Как мать, как сестра и как женщина! Но раз уж мы заговорили о сочувствии, то где было твое сочувствие, когда вы с мама фактически заставили меня выйти замуж на принца Петра Ольденбургского?! И заставляли жить с человеком, который всячески издевался надо мной и даже ни разу не посмотрел на меня, как на женщину?! Вы же знали, знали, что он гомосексуалист! И ты, именно ты, по своей прихоти, не давал мне дозволения на развод!!! Я пятнадцать лет прожила в этом ужасе, а ты мне говоришь о сочувствии?!! Праведника решил из себя сделать?! Ты мне теперь не государь, и я говорю в тебе лицо то, что мечтала сказать, просто бросить тебе в лицо, все эти годы! Но я молчала и терпела, потому что ты говорил мне: «Это нужно для интересов Империи». И вот теперь твой государь Михаил говорит тебе об интересах Империи, а ты ведешь себя как курсистка! Михаил, которому вы с мама столько раз ломали жизнь, разбивая его любовь. Что вы знали о нем и его любви?! «Интересы Империи», будь они трижды прокляты!!!

Упав в ближайшее кресло, она закрыла ладонями лицо. Ее бил озноб.

Потрясенный Николай долго стоял недвижимо, глядя на сестру широко открытыми от ужаса глазами. Затем отвернулся к окну и невидяще смотрел куда-то вдаль.

Ольга глухо проговорила:

– У вашего слабовольного, как вы его называли, Михаила хотя бы хватило мужества жениться вам назло. Мишкин – молодец. А я терпела, терпела, терпела… Пятнадцать лет, лучших лет… Во имя чего? Михаил хотя бы создал великую Империю, а вы… Пропадите вы все пропадом…

Наконец, он сказал всего одно слово:

– Прости.

Могущественная и всегда такая властная местоблюстительница Ромеи вдруг всхлипнула, и по щекам ее текли слезы.

Брат беспомощно оглянулся по сторонам и, заметив графин с водой, поспешил налить и протянуть стакан сестре.

– Прости меня. Я не должен был… Прости.

Дрожащими руками Ольга приняла стакан и сделала несколько глотков. Затем, глубоко вздохнув, спросила:

– Где я могу привести себя в порядок, так, чтобы никто не заметил?

Николай заторопился:

– Да-да, конечно, я не подумал. Вот дверь в комнату отдыха, там есть туалетная комната и все, что необходимо.

Когда за великой княгиней закрылась дверь, экс-император несколько минут стоял молча, глядя в одну точку, а затем произнес лишь:

– М-да…

…Четверть часа спустя местоблюстительница императорского престола вновь вошла в кабинет, сияя и благоухая, а герб Единства на ее маске лишь подчеркивал образ гордой и уверенной в себе аристократки самой наивысшей пробы.

Она улыбнулась глазами и спросила приветливо:

– Что ж, на чем мы остановились?

Но Николай уже не раз имел возможность убедиться в том, что за улыбкой и приветливостью прячется нечто совсем иное, властное, порой даже жестокое. Прячется железная воля, могущая без колебания огласить приговор. И если ему четверть часа назад удалось ослабить эти железные путы самообладания, то это был лишь краткий миг слабости. Миг, который вновь сменился беспощадной

силой. Что ж, пятнадцать лет кошмарного брака не могли не оставить отпечатка на ее характере.

Одно непонятно, как Миша сумел разглядеть ее потенциал и дать ей достойный ее способностей пост, а сам Николай не сумел?

Ольга, все так же приветливо улыбаясь, ждала.

– Мы говорили об интересах Империи.

Великая княгиня утвердительно склонила голову:

– Я рада, что ты помнишь предмет нашего разговора. Итак, мы все согласились с тем, что августейшее замужество Ольги и Татьяны полностью отвечает интересам России, твоих дочерей и твоей семьи в целом. Так?

Он мог, конечно, напомнить о том, что сама Ольга его только что обвиняла в насильной выдаче замуж и об адских годах супружеской жизни, но Николай промолчал. Хотя бы потому, что Оленька и Танечка не возражали особо против этих браков, и, даже более того, вполне себе охотно общались со своими будущими избранниками, писали друг другу письма, периодически встречались в Константинополе, да и вообще как-то не было похоже, что их выдают замуж насильно.

– Так.

– Значит, мы должны сделать все, чтобы ваше добровольное затворничество… – местоблюстительница послала брату светскую улыбку, – самым естественным образом завершилось.

Николай не стал придираться к слову «добровольное», в конце концов, ограничения касались лишь его лично, Аликс и Алексея, да и то они были ограничены лишь в возможности переехать обратно в Россию. В Ромее же они были предоставлены самим себе. Нет, за ними, конечно, велся негласный надзор, но особых вмешательств в их жизнь не было. Дочери же Николая могли ездить куда угодно, и замужества в Румынию и Сербию были тому доказательством.

– И как ты это видишь?

– Я думаю, что нужно устроить светский прием в честь помолвки. Причем прием здесь, в твоем дворце.

– Прием?!

– Да. Ты, твое семейство, в качестве хозяев приема. Это необходимо сделать для того, чтобы снять по крайней мере вопросы об опале и конфликте с государем. Твои дочери должны предстать в самом наилучшем виде, а я позабочусь о том, чтобы каждому было ясно, что за Ольгой и Татьяной вся мощь и богатство Единства. Что это самые завидные невесты Империи.

Николай хмуро прошелся по кабинету.

– Не знаю. Как-то это… Словно мы на рабском базаре.

Местоблюстительница Ромеи молча ждала, пока хождение закончится, и брат вновь займет место у окна. Наконец, это произошло, и она спокойно спросила:

– Ники, в чем проблема? Ты хочешь выдать великих княжон за дворника и извозчика? Разочарую тебя, ибо у Империи на твоих дочерей совсем иные планы. Империи нужны Румыния и Сербия. И что-то я не помню твоих терзаний, когда ты выдавал меня за это ничтожество. А я – твоя родная сестра, между прочим.

Бывший царь поморщился:

– При чем тут это, помилуй!

– В общем, брат, – Ольга подчеркнула слово «брат», – оставим пустые терзания и поиск смысла бытия. Над нами висит угроза срыва намечающихся браков. Как тебе известно, Мишкин не остановился даже перед государственным переворотом в Болгарии и сменой там царя. И уж тем более он не остановится сейчас в Румынии и Сербии. Мы сделаем все, чтобы удержать эти страны в нашей сфере влияния. И брак твоих дочерей наилучшим образом обеспечит лояльность этих держав к России. Как я уже сказала, ситуация в Белграде и Бухаресте отнюдь не в нашу пользу. При этом обе эти державы мечтают

вцепиться в горло распадающейся Австро-Венгрии, что неизбежно выльется в войну, в которую мы, точно так же неизбежно, окажемся втянуты. Эти браки помогут нам укрепить свое влияние на Балканах и удержать союзников от необдуманных поступков.

Николай хмыкнул.

– Это еще как посмотреть. Тот же Фердинанд Румынский, зная его недалекую натуру, вполне может посчитать такой брак своего сына как гарантию того, что Россия обязательно заступится, а значит, можно смело двигать румынские войска в Трансильванию.

Ольга кивнула.

– Может. Но это второй вопрос. Нам же нужно обеспечить следование той же Румынии в фарватере политики России. За твоими дочерями будет весь авторитет и вся мощь Единства. Это не какие-то там принцессы карликовых государств. И для того, чтобы их авторитет был наиболее весомым, а эти свадьбы состоялись, нам, повторюсь, необходим роскошный прием у тебя во дворце. И, главное, побеспокойся о том, чтобы помимо твоих дочерей, в зале в качестве хозяйки была Аликс. В качестве приветливой хозяйки. Я знаю, что она меня ненавидит. Я к ней отношусь с тем же пламенным чувством. Но на этом балу обещаю ей улыбаться и быть максимально приветливой. Обещай мне обеспечить разумное поведение с ее стороны. Объясни ей, что если она хочет иметь хотя призрачную возможность осуществить свои мечты, то для этого ей нужны эти браки. Так что я надеюсь увидеть на этом приеме приветливую хозяйку.

Ники вновь прошелся по кабинету.

– Хорошо, допустим. Но к нам никто не ходит! Где взять гостей?

– Это наиболее простой вопрос. Конечно, обойдемся без шумного бала, времена пандемические, но очень приличное общество мы можем организовать. Государя и государыню, как ты понимаешь, обещать я не могу, но свое присутствие гарантирую. Глава Канцелярии императрицы графиня Менгден, Первый министр Ромеи барон Плеве, граф и графиня Емец-Авлонские…

Глава IV. Утро нового дня

Империя Единства. Ромея. Мраморное море. Остров Авлония. Высочайше пожалованное имение графа Емца-Авлонского. 5 октября 1918 года

Рассвет. Утро. Постель.

Двое в постели обнявшись.

В открытое окно влетает легкий ветер.

Нынче в Мраморном море выдался очень теплый октябрь.

Даже ночью температура воздуха не опускается ниже двадцати двух градусов по Цельсию, а море так просто словно парное молоко.

Хорошо здесь. Хорошо им.

Медовый месяц. Что может быть лучше?

Обыкновенная ситуация. Обыкновенный медовый месяц. Обыкновенная свадьба. Сам государь император был на их венчании.

Двое в постели обнявшись.

Что с того, что он егермейстер императора, а она гофмейстерина ее величества? Что это меняет между людьми, если они любят друг друга?

Обыкновенная семья. Молодожены.

Подумаешь, придворные. Что с того, что он шефствует над императорской охотой, над зверинцами и зоопарками, а она главная над фрейлинами и связями с общественностью?

Двое в постели обнявшись.

Как шелестит ветер страницами забытой на подоконнике книги!

Как много историй она могла бы рассказать миру.

Если бы те, кто сейчас в постели, сочли возможным раскрыть на ее страницах свои страшные тайны…

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 5 октября 1918 года

Я потянулся и сладко зевнул. Встал, подбросил в пламя камина пару поленьев. Стоял и грел у костра руки, задумчиво глядя на пляшущие языки.

В дверь тихонько постучали. Усмехаюсь:

– Входи, раз уж пришел.

В дверях появился Евстафий с подносом, на котором красовался кофейник, чашка и тарелка с бутербродами.

– Не изволите ли испить кофе, государь?

– Ты чего не спишь?

Тот удивленно на меня воззрился:

– Так вы же не изволили ложиться!

Сказано было с легким укором, но с глазу на глаз я позволял ему некоторые вольности. Не раз и не два мой камердинер спасал мой трон и мою задницу, на этом троне сидящую.

– Ну, поставь на столик.

Мой шеф секретной службы аккуратно водрузил на низкий столик поднос и быстро сервировал принесенное.

– Будут ли еще повеления, государь?

– Спать иди.

– Как прикажете, государь.

И не пойдет ведь. Будет сидеть и ждать. Когда он только успевает все делать? Огромное же у него хозяйство. По всему миру хозяйство. Вот же семижильный человек, а так и не скажешь по виду.

Уже на выходе окликаю:

– Евстафий!

Тот поворачивается и склоняет голову.

– Слушаю ваших повелений, государь.

Смотрю на него и киваю.

– Спасибо, Евстафий.

Он молча склоняет голову и тихо уходит.

За окном сумрак рассвета. Начало нового дня. Мрак и туман. Холодно нынче в Подмосковье. Надеюсь, в Мраморном море сейчас тепло. Хорошо, что мое солнышко не мерзнет сейчас, как я здесь.

Открываю буфет и достаю бутылку коньяка. Щедро плеснув в чашку с кофе, ставлю бутылку на место. Подумав, беру коньячный бокал и наливаю себе граммов пятьдесят.

Сегодня можно. Сегодня есть повод. Сегодня у моих близнецов день рождения. Разумеется, год им исполнится только 5 мая, но пока этот год не наступил, мы отмечали эту дату каждый месяц. Шестой день рождения Саши и Вики.

Шепчу:

– С днем рождения, мои любимые! И тебя, радость моя, с рождением детей! Пусть ваша жизнь будет счастливой!

* * *

Письмо Надежды Константиновны Крупской. 5 октября 1918 года[2 - Текст Виталия Сергеева.]

Зинаиде Павловне Кржижановской (Невзоровой)

Болгарское царство, Варна, Бульвар Марии Луизы, 7

Милая Зинуша[3 - Зинаида Павловна Кржижановская (Невзорова) – подруга Н. Крупской, старая большевичка.], страшно рада была получить твое письмо, ужасно о тебе соскучилась. Странно даже слышать, что у вас там солнце и море незамерзло[4 - Так в оригинальном письме.]. Впрочем, я в этом году, хоть и без моря, но на свежем воздухе жила, так треплюсь.

Знаешь, с того года я сижу целиком в Женеве лечусь и работаю старательно, как и все другие прочие. Но дело с каждым днем растет, и справиться с ним нет никаких сил. Тем более что чувствую, что рядом не наши товарищи. Только испанский да моя «Педагогическая энциклопедия»[5 - «Коммунистическая энциклопедия воспитания». Под ред. Эсперансы Арманд-Крупски.]и спасают. Через них снеслась со многими товарищами.

С прошлогодней весны считай только горы вокруг. После того, как Володенька уехал прошлой весной в Париж, были надежды, что все у нас сложится, но порыв погубили и там, и в Берне, и в Турине[6 - Намек на восстания 1917 года в

Париже, Берне и Турине.]. Нас никто не хотел пропускать, даже немцы, Клара пишет, что и у них волна поднимается.

В мае узнала о Володином счастье. Всплакнула. Даже к батюшке ездила – свечку поставить и узнать, как можно отменить наше венчание. Ты лучше меня знаешь, что после восстановления Патриаршества и царевых реформ много и в этом нового. Кто бы мог подумать, что в России и гражданские браки будут так скоро возможны? Иной раз даже, кажется, что новый царь не только Манифест[7 - Намек на знание Михаилом Романовым «Манифеста коммунистической партии».]о своем восшествии читал. Впрочем, меня не обнадежили. Без взаимного согласия иначе как по суду не получится, а Володенька его не дает. Даже письмо прислал неодобрительное, написал, что как товарищи мы должны решить этот вопрос, поговорив вместе. Так что тулупчик, о котором ты знаешь, все же был сшит на троих.

А тут еще эта оказия. Спасибо, Глебу[8 - Глеб Кржижановский, дипломированный энергетик и старый большевик.], что проезжие выправил. Думали ли пару лет назад, что он будет баллотироваться в Думу, как коммунист, и писать в то же время в комиссии государева ГОЭЛРО и инспектировать Русско-ромейскую электро-дорогу? То, что так надо, я знаю, но трудно свыкнуться с этим отступлением и примиренчеством. Впрочем, спасибо вам, я знаю, что самим вам там тяжелее[9 - РКП – группа большевиков, пошедшая (по согласованию с СРИ) на отказ от насилия и борьбы с царизмом.].

Пишу сейчас из Вены, знаю, что письмо до Варны без помех дойдет. А как полагаю, задержусь до открытия Думы, пока Александр Евгеньевич Варюше и Андрею[10 - Имеются в виду Александр Евгеньевич, Варвара Александровна (17 лет) и Андрей Владимирович (15 лет) Арманд.]визы выправит. Если случай позволит, то может, встретимся в старой столице.

После долгого затворничества прокатилась я немного по Франции и Италии. Смотрела из окна, как оживают они после всемирной бойни. До границ Пьемонта я из вагона не выходила, как и советовали товарищи, в Италии же даже смогла пройтись, пока стояли, по Милану. Уже осень, но особой печали я на лицах прохожих не заметила. Все же итальянцы и провансцы быстро забывают горести и, как все южане, надеются на счастье.

В поезде почитала и местные газеты. Они прямо текут медом о Новоримском Союзе и возрожденной Римской империи. Даже «Аванти»[11 - «Аванти» – орган

Итальянской социалистической партии.]пишет о перспективах строительства «социальной империи», а уж свою бывшую принцессу чуть ли не социалисткой записывают. Впрочем, о Мексике только та же «Аванти» и пишет, пусть и скупо, но одобрительно. Чувствуется, что научились и здесь обходиться с прессой по-суворински. Не без гордости прочла, что какой-то «колонель Тухо»[12 - Комкор Михаил Тухачевский (1893–1928), деятель мексиканской красной армии, тогда «колонель Тухо» – командир 5-й революционной колонны, в дальнейшем комдив и комкор. Погиб при случайном взрыве химического снаряда, руководя действиями артиллерии республики против повстанцев кристерос.]первым ворвался в Монтеррей. Собственно, только вести оттуда сейчас и радуют.

Вена, впрочем, тоже не произвела на меня впечатление вскипающего города. Но здесь, в отличие от Италии, свободы больше, народ смелее и пресса не пропитана освобожденчеством. Но что-то неясное висит в воздухе. Как будто чувствуется в каждом слове и движении приближение какого-то расставания, утраты, прощания с детством. Завтра попробую выехать в Краков через Брно или Берлин и Прагу на Варшаву. Повсеместные кордоны с этой американкой делают путь извилистым.

Год трудноватый, конечно. Когда собираешься в Москву и собираешься ли вообще эту зиму в Москву? Паршивый климат там, но и по нему я соскучилась. Если возможно, пиши мне, хоть немного иногда. В Москве мне согласовано проживание до января у Армандов. Крепко тебя обнимаю. Будь здорова и кланяйся Глебу.

* * *

Империя Единства. Россия. Московская губерния. Императорская резиденция «Марфино». 5 октября 1918 года

Ну, стой не стой, а дело доделать надо. Беру доклад и усаживаюсь за кофейный столик. Много было работы сегодня. До выборов девять дней, а ситуация стремительно ухудшается. Лишь ближе к утру дошли руки до доклада министра земельных и природных ресурсов Кофода.

Вопрос был серьезнейший. Мы готовились к голоду.

И к тому, который может случиться в ближайшую зиму-весну, но, главное, к тому страшному голоду, который случится в 1921–1922 годах. К тому, который был известен мне как печально знаменитый Голод в Поволжье. Огромный по размаху голод, огромное количество погибших. С ранней весны 1921 года не выпадет у нас ни единой капли дождя, а все озимые погибнут.

Разумеется, вновь явится мне осенью 1920 года Пресвятая Богородица (прости, Господи, душу мою многогрешную, но я ведь во имя блага чад Твоих, зачем-то же Ты меня сюда прислал?) и будет мне Откровение Ее… В общем, побуду я вновь местным Моисеем, сообщающим о Казнях Египетских. Есть немаленький шанс, что после Откровения с предсказанием пандемии «американки» к моим словам прислушаются даже отъявленные скептики. Просто на всякий случай.

Но откровения откровениями, а без серьезного экономического базиса нам и вправду останется лишь молиться. И если вы думаете, что два с половиной года – это большой срок, то вы глубоко ошибаетесь. Весна 1921-го уже завтра. Во всяком случае, изменения по мановению волшебной палочки не происходят. Да и нет у меня волшебной палочки, равно как не умею я творить чудеса. А жаль. Махнул бы так рукой – и море бы расступилось, махнул еще раз – нивы полные и стада тучные…

Ан нет, не бывает такого. Во всяком случае, со мной не случается. Так что придется работать.

Перелистываю очередной лист доклада. Обширного и всеобъемлющего доклада. Фиксированный продналог для крестьян, в зависимости от качества почвы и средней урожайности региона. Механизм сокращения и отмены продналога в неурожайные годы.

Создание «Царских магазинов», где в случае голода крестьяне могут получать продукты.

Создание разветвленной сети казенных складов, в которых крестьяне могут брать льготную ссуду зерном и беспроцентную годовую (а в случае неурожая трехлетнюю) ссуду в виде посевного зерна. Система была заточена под то, чтобы лишить кулацкие элементы возможности драть три шкуры с односельчан, давая им в долг зерно и хлеб. Более того, такая деятельность законодательно запрещалась, и за хлебное ростовщичество грозило реальное раскулачивание и

Сибирь.

Закупка продовольствия у агропредприятий по фьючерским – форвардным контрактам от Империи. Частным перекупщикам агропредприятия могли продавать только сверх государственного заказа. В случае голода и неурожая по госзаказу продляется срок выполнения без процентов. Особо нуждающимся оказывается помощь. Обеспечение льготных закупок за фьючерские деньги техники, инвентаря, керосина, сапог, одежды, патефонов, прочих товаров народного потребления и всего необходимого на деревне.

Наличие широкой сети казенных винно-водочных магазинов и государственная монополия на спирт позволяли нам поставить розничную цену на спиртное в городах на такой уровень, что лишал экономической и практической целесообразности поездку городских в деревню за самогоном. А эта проблема в 1916-м и частично в 1917-м приобрела просто эпический размах, ввиду сухого закона. Огромное количество зерна перегонялось в деревнях на самогон, причем основные барыши имели как раз те самые кулацкие элементы, поскольку лишнего зерна у простых крестьян не было. Кстати, торговля самогоном сейчас у нас стала уголовно наказуемым деянием. В общем, мы постарались уменьшить бессмысленные и вредные траты зерна на самогон, постарались обрезать денежные реки в карман кулаков. Нужно ли говорить, что им это все очень не нравилось?

Административное регулирование вывоза продовольствия из Единства и из угрожаемых районов, особенно в периоды засух и неурожаев. Обеспечение поставок продовольствия из стран НРС и мира.

В зонах рискованного земледелия, в том числе и в Поволжье, законодательно закреплено правило высаживания разных культур. Фонд гарантирования выкупа второстепенных культур покупал у селян ту часть урожая, которую было выращивать не слишком-то выгодно. Перечень высаживаемого и порядок высадки регулировался (по крайней мере, должен регулироваться) агрономами. Эти меры позволяли избежать проблем с продовольствием в те годы, когда происходит неурожай основной культуры, а так, как правило, и происходило при возникновении голода. Не уродила рожь – и все, привет, голод!

Строятся и будут строиться элеваторы. Создаются машинно-конно-тракторные станции. Появляются все новые тракторные заводы. Тракторы и прочая сельхозмашинерия активно поставляются из США и Германии. И мы расширяем

закупки.

Высаживаются лесопосадки и осуществляются работы по мелиорации.

Уже создается Императорский чрезвычайный семенной фонд, и трогать зерно оттуда я запретил категорически. Хотя Маниковский и намекает, что другого выхода у нас может и не быть этой зимой. Но – посмотрим. Пока – нет.

В общем, нам нужно сделать рывок по целому ряду направлений для обеспечения, во-первых, продовольственной безопасности страны, а, во-вторых, я намеревался с 1923 года вновь сделать Россию крупным мировым экспортером зерна. Но вот только экспортировать я собирался излишки, а не «недоедим, но вывезем», как это было при Николае.

Я зевнул. Нет, надо поспать хотя бы часика два. Сегодня у меня очень насыщенный день…

* * *

Империя Единства. Ромея. Мраморное море. Остров Авлония. Высочайше пожалованное имение графа Емца-Авлонского. 5 октября 1918 года. Рассвет этого дня

Рассвет. Утро. Постель.

Анатолий проснулся уже давно, но старательно изображал спящего, боясь своим неосторожным движением потревожить чуткий сон любимой, которая так доверчиво положила голову на его плечо.

Да, медовый месяц. Сколько он мечтал о том, чтоб Натали стала его женой, сколько он добивался этого! Так страстно добивался, что его возлюбленная просто сбежала из рядов ССО прямо во дворец, легко согласившись на предложение командующего Сил специальных операций генерала графа Слащева, который искал кандидатуру будущей камер-фрейлины для ее величества. И такую кандидатуру, чтобы и умница, и красавица, и могла бы защитить свою императрицу в случае чего. А поручик Иволгина вполне могла.

Емец мысленно усмехнулся, не решившись на движение мышц лица. Да, Натали вполне могла. Все могла. Такая вот выпускница Смольного института благородных девиц, состоявшая в Императорском Петроградском стрелковом клубе и Императорском Петроградском автомотоклубе, поручик (за отличие) ССО, активная участница дворцового переворота в Болгарии, похищения местного царя с наследником и тайного вывоза их в Москву дирижаблем. Операции, которая перевернула весь ход Великой войны. Наконец, его Натали – кавалер-дама ордена Святой Анны третьей степени с мечами и бантом, награжденная Георгиевским оружием «За храбрость».

Блестящий офицер и умнейшая придворная дама, держащая в руках столько тайных нитей и столько чужих судеб, что даже страшно представить.

Нет, завоевать сердце такой дамы было совсем не просто. Тем более что не хотела она ни с кем заводить романы, ожесточившись сердцем после гибели жениха в первые дни войны. Шла на войну мстить и убивать, а не крутить шашни. И те, кто этого не понял, кто пытался к ней, что называется, подбить клинья, получали от ворот поворот. Жестко получали.

И Анатолий был в их числе.

А сколько дуэлей было из-за нее! Столько, что графу Слащеву пришлось принимать самые решительные меры. Одной из которых и стала скорейшая отправка опасной валькирии ко двору, подальше от вверенных ему подразделений.

Что ж, Емцу тоже пришлось сражаться за ее благосклонность. И даже убивать тех, кто на нее криво посмотрел. Интересно, где похоронили убитого им в Центральном парке Нью-Йорка атамана Шкуро?

Впрочем, нашел, о чем и ком вспоминать. Собаке собачья смерть. Земля ему помойкой.

Рука давно уже затекла, и чтобы отвлечься, Емец принялся размышлять о делах, о том, что случилось, о том, что происходит, и о том, что еще может произойти. Или должно.

Планы экспедиций за редкими зверями по всему миру, подготовка отрядов, поиск проводников из местных, создание операционных баз и складов в различных странах и на разных континентах. Ведь это же целое дело – поймать и привезти в Императорский зоопарк какого-нибудь бенгальского тигра! Тут и подбор участников экспедиции, и включение в ее состав специальных людей, прошедших особую подготовку в Экспедиции Службы Егермейстера Двора, и определение предстоящего маршрута, и проведение подготовительных мероприятий на месте, включая переговоры с местными представителями элит, чиновниками, а также простыми пройдохами, умеющими быть очень изворотливыми и наблюдательными, если их правильно к этому мотивировать.

Опять же, всякая подобная экспедиция требовала денег, ресурсов и материалов. Причем деньги тратились не только на оснащение и дорогу, но и (причем в основном) на подкуп местных князьков и прочих лиц. Разумеется, очень часто выплаты продолжались и после завершения экспедиции, ведь получатели «комиссионных» нередко были людьми весьма полезными и знающими. Очень много знающими и желающими своими знаниями поделиться.

И могущими быть весьма полезными для операций ЭСЕД.

Не бесплатно, разумеется.

Да, за прошедшие с момента назначения на должность пять месяцев Анатолий не только успел обвенчаться со своей ненаглядной Натали, но и проделал огромное количество организационной работы, формируя структуры, готовя кадры, открывая операционные базы и официальные представительства ЭСЕД во многих интересных странах, а также расширяя сеть местных помощников и покровителей во всяких интересных местах.

И свидетельством эффективности расходования его ведомством миллионных средств из фондов Министерства двора и уделов были радостные пополнения в зоопарках и ботанических садах Москвы, Петрограда, Константинополя, Казани, Самары и Нового Илиона, куда поступили редкие животные, птицы и растения из Британской Индии, Египта, Бразилии, США, Персии, Афганистана, Китая, Японии, Кореи, Сиама, Юга Африки, Камеруна, Нигерии, Алжира и того же Мадагаскара. Даже из бурной революционной Мексики.

Одна только экспедиция полковника Михаила Скарятина в Египет чего стоит! Это же целая эпопея и живой материал для ведомства графа Суворина! Дикие звери, пирамиды, зловещие тайны и прочий оккультизм. Да и сам Скарятин, между прочим, человек всемерно колоритный. Умница. Знаток восточных языков, в том числе и древних. Египтолог. В какой-то мере даже оккультист. Человек, умеющий установить контакт с любым чиновником или другим необходимым лицом, от погонщика верблюдов до главы правительства. Кого, как не его, было посылать в Египет во главе экспедиции за редкими животными? Тем более что отец его, как и сам Емец, служил ранее егермейстером двора. Понятно, что просто егермейстер и глава ЭСЕД – это вещи разные, но все же со спецификой звероловства полковник Скарятин был знаком с младых ногтей.

Впрочем, таких колоритный персон, как Скарятин, в ЭСЕД уже превеликое множество. Шестнадцать больших экспедиций было отправлено ЭСЕД за эти пять месяцев. Огромное количество пользы для дела Освобождения проделано. И посмотреть людям в зоопарках есть на что, и интересные сведения постоянно поступают из указанных стран. А уж анализируются такие сведения без перерывов и выходных! Анализируются, на основе этих анализов делаются выводы и прогнозы, после чего готовятся операции ЭСЕД в различных частях Старого и Нового Света.

Не зря ведь он, Анатолий, занимает пост императорского ловчего, так ведь?

Ну, и не просто же так повелел государь своему ловчему быть готовым к Большой Охоте в любое время и в любом месте?

Почему-то вспомнился Емцу момент попадания торпед в празднично освещенную яхту могущественного Джейкоба Шиффа в гавани Нью-Йорка. Бабах! Шум, крики, погоня, стрельба. Прекрасно они тогда провели время! И какой замечательный подарок преподнесли они покойному Шиффу тогда на юбилей!

А сколько «жирных котов» с Уолл-Стрит тогда пораскинуло мозгами по бухте!

Биржи тогда месяц лихорадило!

Впрочем, биржи – это не его епархия. Но судя по высочайше пожалованному имению и графскому титулу, та Большая Охота на личного врага императора

пришлась его величеству весьма по душе.

И это не последняя Большая Охота. Далеко не последняя.

На самую крупную дичь. Самую.

Не будь он ловчим императора.

В общем, подавший в отставку по ранению, вчерашний подполковник Сил специальных операций Анатолий Емец, с мая 1918 года официально удалился на заслуженный отдых, радуясь титулу, имению и прелестям брака, получив при этом почетную синекуру в виде забот о зоопарках, ботанических садах и о том, чтобы подданные Его Величества могли зверюшками и цветочками любоваться.

Всласть.

* * *

Империя Единства. Ромея. Мраморное море. Остров Авлония. Высочайше пожалованное имение графа Емца-Авлонского. 5 октября 1918 года. Рассвет этого дня

Рассвет. Утро. Постель.

Наталья, не шевелясь и не выдавая своего пробуждения, размышляла над тем, как бы ей выбраться из супружеской постели, да так, чтобы не разбудить мирно спящего мужа. Но рука супруга обнимала ее, и она не представляла себе, как ей выскользнуть из его бессознательных, но таких сладких объятий.

Но сколько можно спать? Да, ночью им было не до сна, но сколько можно спать-то? Утро уже! Дел полно!

Графиня незаметно усмехнулась своим мыслям. Вот же жизнь у нее, что даже во время медового месяца вместо романтики лезут в голову государственные дела. Две женские партии идут на выборы в Госдуму в России, суфражистки устроили очередной скандал в Европе, газеты «Женский взгляд» и «Sguardo femminile»

развернули целую кампанию в поддержку прав женщин и их равноправия с мужчинами.

Много-много дел и забот у нее сегодня.

Доклады агентуры, финансовые отчеты и выплаты. Нужно разобрать предложения графа Жилина, который придумал новую махинацию, призванную увеличить продажи газет и дополнительные способы завлечь новых суфражисток в сети идеалистической борьбы против патриархальных устоев.

Что ж, не зря ведь наш государь говорит, что через суфражисток мы взорвем Европу и США. Да, так оно и есть. Слишком яркими и соблазнительными выглядят идеи Освобождения и Служения, слишком праздничная упаковка у равноправия женщин в России и Ромее. Свои политические партии и организации, свои газеты. Яркие образы успешных женщин, творивших свой успех самостоятельно, благодаря своим усилиям и своим талантам, а не просто благодаря мужу и его положению. Фотографии знаменитых летчиц, гонщиц, офицеров, ученых, докторов, руководителей экспедиций, в том числе и по линии ЭСЕД, в разные страны мира. Интервью, вспышки фотоаппаратов, стрекот кинокамер, десятки и сотни тысяч экземпляров газет, тиражирующих фотографии, интервью и восторженные отзывы.

Даже знаменитая Империя Кино в Новом Илионе снимала силами своих киностудий все больше новый тип женщин – активных, целеустремленных, свободных. Избавляющихся от груза ограниченности, несущих миру Знание и Освобождение.

В общем, паломничество в Россию и Ромею всякого рода суфражисток и просто активных барышень приобретало просто массовый характер, даже невзирая на меры против пандемии. Барышни были готовы сидеть на карантине две недели, тем более что их там кормили, поили, устраивали досуг, проводили курсы, читали лекции, показывали кино. Конечно же дискуссии, клубы и прочие способы самоорганизации. А уж после карантина наступала пора экскурсий, конференций и всего того, что заставляет почувствовать себя частью вдохновленной общности, частью могучей силы, которая обязательно добьется победы.

И чем дольше в Европе и США упираются с предоставлением равных прав женщинам, тем дольше графиня Емец-Авлонская со товарищи смогут использовать эту тему для подрыва общественного спокойствия за пределами Новоримского Союза, и тем больше рычагов они получат для влияния на политику властей среди стран-членов все того же Новоримского Союза.

«Всемирный Союз Освобождения Женщин», или, как называет его Михаил Второй, Женский Интернационал, – это могучая и влиятельная сила. Сила, в которую вкладываются большие деньги, большие ресурсы, и сила, на которую император возлагает большие надежды.

Вдруг что-то неприятно защекотало ее щеку, она дернулась и открыла глаза. Анатолий взмахом руки пытался отогнать залетевшую откуда-то муху. Увидев, что жена проснулась, он прошептал:

– Прости, я не успел ее отогнать, и она тебя разбудила.

– Нет, она меня не разбудила. Я давно не сплю.

Муж усмехнулся:

– А я думал, что ты спишь, и не хотел будить!

Натали в ответ весело рассмеялась.

– Почему ты смеешься?

– Это я не хотела будить тебя и притворялась спящей!

Емец тоже засмеялся.

– Да, забавно. Но раз ты, проказница, не спишь, то иди-ка ты сюда…

И притянул ее к себе.

Дела? Дела подождут. Дело молодое!

Глава V. Токсичный воздух перемен

Империя Единства. Россия. Москва. Воробьевы горы. 5 октября 1918 года

Пропахший хлоркой трамвай словно сам выталкивал своих пассажиров быстрее сделать шаг на улицу, дабы побыстрее вдохнуть свежий, еще не так испорченный дезинфекцией, сырой октябрьский воздух. Скорее, скорее, мимо плаката «Плевок – смерть!», мимо хмуро глядящего поверх маски недружелюбного кондуктора. Поскорее-поскорее, вон отсюда! Поручни, ступеньки, а вот и мостовая…

– Поберегись, православные-е-е!!!

Одуревший от хлорки Владимир Григорьевич непроизвольно отпрянул назад, в хлорную же атмосферу трамвая.

Мимо него прогромыхала подвода, груженная каким-то строительным грузом, опасно торчащим во все стороны.

Шухов чертыхнулся. Наплодила земля русская дураков! Мало того что тот дурак сам в маске, так еще и на морду кобылы своей маску напялил! Вот же идиот! Где только лямки для маски взял! Несутся не пойми куда и зачем, словно все еще в своей деревне голодраной!

Понаехали!

Бормоча и чертыхаясь, Владимир Григорьевич все же сошел на грешную землю и поспешил к тротуару, опасаясь новой встречи с какой-нибудь управляемой таким же дураком кобылой, а то и с целым грузовиком, коих в Новой Москве уже развелось предостаточно.

А трамвай тем временем, звеня и лязгая, двинулся с места и отправился в очередной рейс из Москвы новой в Москву старую. Шухов хмуро проводил взглядом вагон, в котором давешний кондуктор опять весьма щедро брызгал дезинфекцию по своему салону.

– Душегуб!

Припечатав вдогонку ирода-кондуктора, Владимир Григорьевич и думать о нем забыл, оглядываясь по сторонам и примечая все изменения, которые произошли за ту неделю, которую он здесь не был.

Да, Москва строилась. Строилась бурно и неостановимо. Особенно Новая Москва. Возводимые новые районы резко контрастировали с патриархальной суетой старого центра.

И тут до Владимира Григорьевича дошел парадоксальный символизм пришедшей в голову фразы. Да уж, именно «патриархальная суета», именно так, милостивые государи! За прошедшие с момента воцарения Михаила Второго полтора года Москва – старая добрая Москва, исчезла безвозвратно. На смену размеренности, степенности и всей той купеческой вальяжности вдруг пришло бурное движение, обновление и то, что принято сейчас именовать Освобождением. И пусть до полного Освобождения еще очень далеко, но сам дух перемен надежно поселился на улицах Первопрестольной. Как, впрочем, и на улицах всей России. И Ромеи конечно же.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Личная переписка ЕИВиВ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и ЕИВ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ВИКТОРОВНЫ. Публикуется с

Высочайшего дозволения ЕИВиВ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ на основании «Закона об истечении срока давности для секретных документов, охраняемых грифом «Государственная тайна особой важности». Императорская Московская библиотека МИХАИЛА ВЕЛИКОГО, 4 октября 1993 года*.

* Примечание. Решением ИМПЕРАТОРСКОЙ Канцелярии срок рассекречивания изъятий продлен на 75 лет до 4 октября 2068 г.

2

Текст Виталия Сергеева.

3

Зинаида Павловна Кржижановская (Невзорова) – подруга Н. Крупской, старая большевичка.

4

Так в оригинальном письме.

5

«Коммунистическая энциклопедия воспитания». Под ред. Эсперансы Арманд-Крупски.

6

Намек на восстания 1917 года в Париже, Берне и Турине.

7

Намек на знание Михаилом Романовым «Манифеста коммунистической партии».

8

Глеб Кржижановский, дипломированный энергетик и старый большевик.

9

РКП – группа большевиков, пошедшая (по согласованию с СРИ) на отказ от насилия и борьбы с царизмом.

10

Имеются в виду Александр Евгеньевич, Варвара Александровна (17 лет) и Андрей Владимирович (15 лет) Арманд.

11

«Аванти» – орган Итальянской социалистической партии.

12

Комкор Михаил Тухачевский (1893–1928), деятель мексиканской красной армии, тогда «колонель Тухо» – командир 5-й революционной колонны, в дальнейшем комдив и комкор. Погиб при случайном взрыве химического снаряда, руководя действиями артиллерии республики против повстанцев кристерос.

Купить: https://tellnovel.com/markov-babkin_vladimir/imperiya-na-poslednem-krayu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити